

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
●бъявл. — 20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ — въ конторѣ Н. Печковской.
Рукописи, доста-л. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

и Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 5 Сентября.

СОДЕРЖАНІЕ Дебютныя гастроли. — Любезное
вниманіе. — Нѣчто о движущихся эффектахъ. *Им-
прессиониста.* — «Галеото». *А. К—елл.* — Хроника театра
и искусства. — Изъ Москвы. *Старика.* — Милостивый
государь, И. И. Передовой (окончаніе). *В. Д.* — Арти-
стическая колонія (окончаніе). *Н. Николаева.* — За

№ 36.

границей — Провинціальная лѣтопись. — Справочный
отдѣлъ. — Объявленія.

Рисунки: Утренняя заря, *Марольда*; Видъ Тиф-
лискаго народнаго театра; За кулисами балета.

Портреты: М. П. Домашевой, Р. М. Райсовой,
Н. Н. Трубецкаго, А. Ф. Поговскаго.

Продолжается подписка на 1899 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Театральныя справочно-статистическія

Бюро Русскаго Театраль- наго Общества:

Въ Москвѣ — Тверская ул., уг. Сытинскаго пер.,
д. Арбатскаго; открыто ежедневно, исключая празд-
ничныхъ дней, отъ 10 до 4 часовъ.

Въ С.-Петербургѣ — Караванная ул., д. № 9, кв. 6;
открыто ежедневно, исключая праздничныхъ дней,
отъ 10 до 5 часовъ.

С.-Петербургъ, 5 сентября.

Намъ указываютъ въ письмахъ изъ провинціи на одну изъ «предсезонныхъ бѣдъ», а именно на беспомощное положеніе, въ которомъ находится театральная администрація при составленіи труппы, не имѣя возможности ознакомиться лично съ сценическими данными даже первыхъ персонажей. Предприниматель вынужденъ руководствоваться слухами, часто ложными, рецензіями, еще чаще словесными отзывами актеровъ, которые неизвѣстно кѣмъ продиктованы, и тому подобными мало достовѣрными источниками. Вопросъ объ устраненіи этого неудобства поднимался и на Създѣ сценическихъ дѣятелей. Пред-

лагали, между прочимъ, устройство въ Москвѣ театра, гдѣ Великимъ постомъ дебютировали бы передъ антрепренерами приѣзжающіе артисты. Но во-первыхъ, этотъ проектъ вызываетъ значительныя траты, а во-вторыхъ, при томъ громадномъ количествѣ артистовъ, которые съѣзжаются постомъ въ Москву, развѣ самая незначительная часть ихъ получила бы возможность дебютировать. Затѣмъ предлагали особыхъ разъѣздныхъ агентовъ изъ состава служащихъ въ Театральномъ Бюро Р. Т. Об-ва, облеченныхъ извѣстнымъ довѣріемъ, пользующихся авторитетомъ, которые объѣзжали бы въ теченіе сезона провинціальныя сцены и знакомились бы съ сценическимъ персоналомъ. Но гдѣ найти лицъ, которымъ можно было бы довѣрить дѣло, требующее величайшаго безпристрастія, большого запаса опытности и профессиональной компетентности, наконецъ, немалого художественнаго чутья? Гораздо болѣе цѣлесообразной кажется намъ практикуемая въ Германіи мѣра такъ называемыхъ «дебютныхъ гастролей». *Gastspiele auf Engagement*, т. е. взаимный обмѣнъ, въ теченіе сезона первыми и даже вторыми персонажами. При этой системѣ администрація можетъ не только знакомиться съ данными актера, но и съ тѣмъ впечатлѣніемъ, производимымъ имъ на мѣстную публику, которая въ разныхъ городахъ, какъ извѣстно, отличается порою и различными вкусами. Единственнымъ неудобствомъ предлагаемой мѣры является дальность разстояній въ Россіи и вытекающая изъ этого значительность дорожныхъ расходовъ, которые пришлось бы нести администраціи. Но развѣ не лучше, развѣ не выгоднѣе антрепренеру понести лишній расходъ — да и такъ ли ужъ онъ будетъ великъ? — но за то знать, кто будетъ играть въ труппѣ, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть дѣло.

Тѣ соображенія практическаго опыта, которыя заставили Съездъ сценическихъ дѣятелей такъ рѣзко и рѣшительно высказаться противъ существующей гастрольной системы, не имѣютъ прямого отношенія къ предлагаемой нами мѣрѣ. Эта система не можетъ вредно отозваться на ансамблѣ: будутъ не «подыгрывать», а играть, такъ же, какъ всегда, послѣ обыкновеннаго числа репетицій. Во всякомъ случаѣ, надъ вопросомъ этимъ слѣдуетъ подумать. Много ли антрепренеровъ, которые въ правѣ сказать: «я знаю всю театральную Россію»? Да и жизнь идетъ впередъ, выдвигаетъ новыхъ дѣятелей на смѣну стараго поколѣнія, которое въ сущности только и знаетъ такой антрепренеръ. Сезонъ наступаетъ, и быть можетъ, кто нибудь изъ антрепренеровъ сдѣлаетъ надлежащій опытъ.

Изъ распоряженій новаго директора Императорскихъ театровъ, кн. С. М. Волконскаго, обращаетъ на себя вниманіе одно, съ виду незначительное, но и довольно характерное по своему, такъ сказать, симптоматическому значенію. Разумѣемъ разсылку редакціямъ газетъ и журналовъ бесплатныхъ билетовъ на первыя представленія. Само собою понятно, что такая разсылка не болѣе, какъ любезность, которую, однако, нельзя не цѣнить, ибо въ ней ясно сказывается признаніе существенной роли театральной критики и пользы дружнаго и взаимнаго содѣйствія печати и дирекціи театровъ.

Говорятъ, впрочемъ, что разсылка эта практиковалась и раньше, но была оставлена, въ виду разныхъ соображеній. Какихъ—намъ неизвѣстно въ точности, но можно думать, что экономическія соображенія едва ли имѣли рѣшающее значеніе. Въ Москвѣ выдача бесплатныхъ билетовъ, впрочемъ, удержалась, и престижъ театровъ, равно какъ престижъ печати и театральной критики, отъ этого ни мало не пострадали. Наоборотъ, въ Петербургѣ не только не разсылали билетовъ, но были установлены довольно суровый и мучительный порядокъ полученія ихъ редакціями. За редакціями оставляется право на полученіе билетовъ, съ приплатою за записку, до извѣстнаго часа, наканунѣ спектакля, причемъ право это надо исходатайствовать, приложивъ къ прошенію опредѣленное число марокъ, и не всегда съ надеждою на успѣхъ. Въ бенефисные же спектакли, для которыхъ обычныя правила не писаны, право редакціи отпадаетъ, и полученіе билетовъ зависитъ уже отъ любезности бенефициантовъ. Не думаемъ, чтобы, покупая билетъ въ кассѣ, театральный рецензентъ тѣмъ самымъ приобрѣталъ независимость, а получая билетъ даромъ въ качествѣ приглашенія, ее утрачивалъ. Но есть разница въ самочувствіи театрального критика, когда онъ сознаетъ себя желаннымъ гостемъ, или же когда является лицомъ совершенно постороннимъ, котораго мысль и сужденія имѣютъ значеніе лишь по столько, по сколько они выражаются въ покупной цѣнѣ билета.

На этотъ пріятный симптомъ намъ хотѣлось бы обратить вниманіе и выразить надежду, что въ свободѣ критики и широкомъ доступѣ гласнаго обсуждения усматривается вѣрный залогъ успѣховъ и совершенствованія театрального дѣла.

Отъ редакціи.

Съ будущаго № мы вводимъ новый отдѣлъ, *режиссерскій*.

Этотъ отдѣлъ, находясь въ завѣдываніи особаго спеціалиста, будетъ состоять какъ изъ руководящихъ, такъ и подсказанныхъ текущими интересами театра статей, замѣтокъ, набросковъ перомъ и карандашемъ, чертежей и снимковъ съ натуры по вопросамъ сценической практики.

Постановка пьесъ въ обширномъ значеніи этихъ словъ, методы драматическаго анализа, способы считокъ, репетированія и монтировокъ, дикція, декламация, мимика, гримированіе и костюмирование, декорации, обстановка, бутафорія, освѣщеніе, музыкальные эффекты и пр.— вотъ область въдѣнія вводимаго отдѣла.

Мы твердо вѣримъ, что сценическіе дѣятели всѣхъ ранговъ и степеней, которые должны съ особенною чуткостью относиться къ вопросамъ сценической техники, оцѣнить наши усилія и дѣлясь съ нами любопытными указаніями своей сценической практики, помогутъ намъ сдѣлать журналъ необходимымъ пособіемъ всякаго сценическаго дѣятеля.

Завѣдываніе отдѣломъ поручено артисту Императорскихъ театровъ и преподавателю Императорскаго Театральнаго Училища, *Ю. Э. Озаровскому*.

Нѣчто о движущихся эффектахъ.

Когда я смотрѣлъ „Шутниковъ“ на сценѣ Александринскаго театра, меня поразило слѣдующее обстоятельство. Публика довольно спокойно и безучастно слушала исполнителей, но все же слушала. Во второмъ дѣйствіи произошла рѣзкая перемена. Надъ сценой открыты были краны оросительнаго аппарата, полильливмъ дождь на артистовъ и артистокъ, хлынулъ водопадомъ изъ водосточныхъ трубъ и съ крыши. Зрительная зала сразу всколыхнулась. Лица потеряли свое сонное выраженіе, взоры оживились, одобрительный шопотъ пронесся въ воздухѣ. Всѣ напряжено наблюдали, какъ падали капли на платья артистокъ, какъ смачивались водой хорошенькія ботинки и хорошенькія ножки. Что въ это время говорили на сценѣ, какія реплики подавались—*ровно никто не слушалъ*.

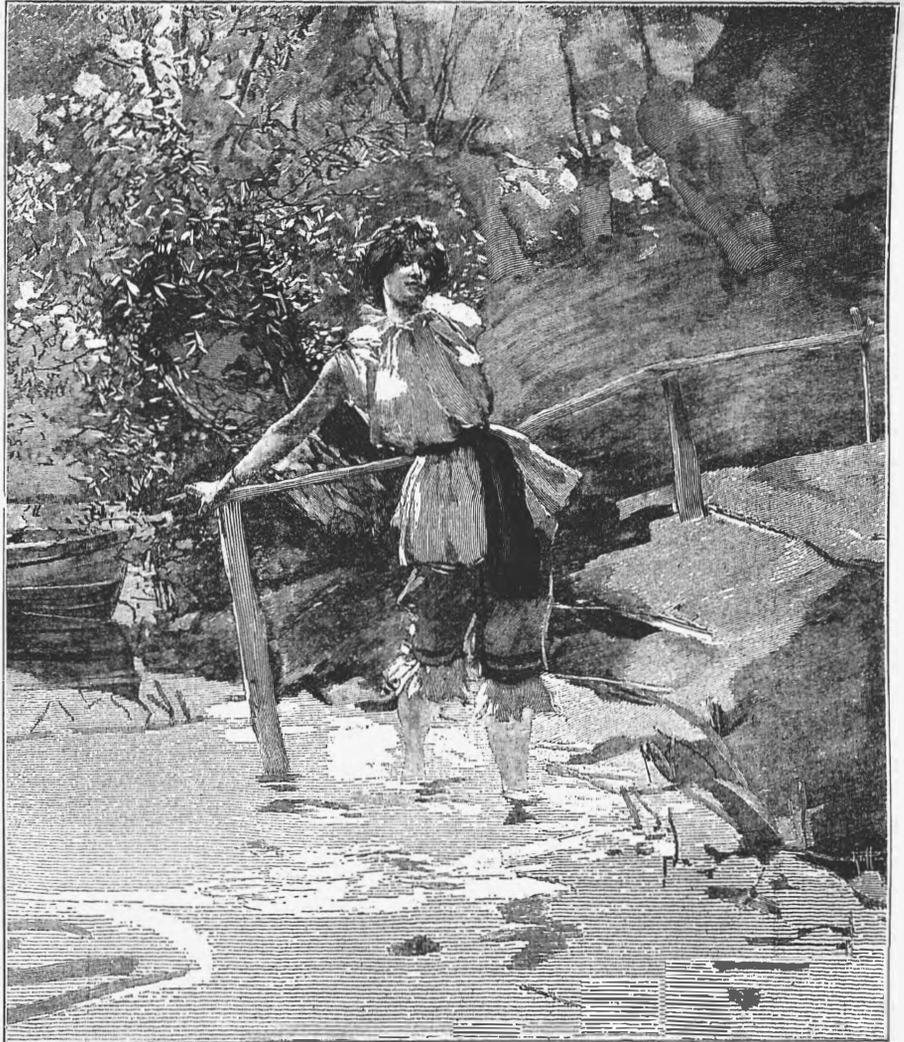
Такой аппаратъ для идеальнаго орошенія артистовъ—я видѣлъ уже не въ первый разъ. Два сезона тому назадъ берлинская труппа г. Бока ставила у насъ веселую пьеску Блументала „Zur weissen Rössel“ Пьеска очень заинтересовала публику... Но вотъ, въ концѣ перваго дѣйствія раскрылись хляби небесныя, зрители ахнули, и опять-таки пропустили мимо ушей все то, что говорилось на сценѣ. И въ антрактѣ я слышалъ, какъ аккуратные и обычно внимательные нѣмцы спрашивали другъ друга—чѣмъ же собственно закончилось дѣйствіе?

Такое полное отвлеченіе вниманія отъ артиста и пьесы въ сторону внѣшнихъ эффектовъ, мнѣ пришлось наблюдать за послѣдніе годы еще нѣсколько разъ. Въ „Потонувшемъ Колоколѣ“ публика, кажется, вотъ-вотъ, вся поглощена діалогомъ Генриха и Раутенделейнъ, но, на небосводѣ всплываетъ луна, и театральный машинистъ начинаетъ передвигать марлевые облака, то открывая, то закрывая ими ликъ луны. Съ публики моментально спадаетъ оча-

рованіе Гауптмановскихъ стиховъ и мыслей, и она усиленно начинаетъ слѣдить за манипуляціями театральнаго машиниста... Въ фееріяхъ теперь въ большой модѣ движущіяся декорации-панорамы. Исполнитель яко-бы совершаетъ длинный путь и встрѣчается съ различными пейзажами и ландшафтами. Конечно, исполнитель стоитъ неподвижно и передаетъ свои впечатлѣнія, а задняя декоративная стѣна двигается мимо него. Мнѣ пришлось видѣть этимъ лѣтомъ на сценѣ общедоступнаго театра такую пьесу. Простонародный зритель былъ весь поглощенъ содержаніемъ фееріи-мелодрамы и судьбы ея героя, но вотъ „пошла“ задняя стѣна, и зритель совершенно забылъ, что передъ нимъ на сценѣ плачетъ и страдаетъ истомленный долгимъ путемъ герой, и все вниманіе толпы было поглощено яркой, движущейся панорамой.

Въ „Рабочей Слободкѣ“ я наблюдалъ и на Александринской сценѣ и на сценѣ народнаго театра, какъ въ самый трагическій моментъ напряженіе зрители сразу обращались въ другую сторону, благодаря проявленію декоративнаго движенія. Это именно тотъ моментъ, когда центральное дѣйствующее лицо начинаетъ замерзать въ сугробахъ снѣга подъ окномъ своей законной супруги. И вотъ, съ вершинъ колосниковъ начинаетъ падать на него сначала мелкій, а потомъ все болѣе и болѣе крупный и частый снѣгъ. Публика обращаетъ свои взоры горѣ, и не слышитъ, что лепечуть уста умирающаго...

Я бы могъ привести еще много примѣровъ движущихся декоративныхъ эффектовъ изъ практики послѣднихъ лѣтъ. Но и указанныхъ, кажется, довольно для необходимаго мнѣ вывода. Во дни гастролей мейнингенцевъ высказывалось теоретическое сомнѣніе, не вредитъ ли совершенство внѣшней обстановки—цѣлостности нравственнаго и духовнаго впечатлѣнія, которое должна производить пьеса. Но тамъ, строго разсчитанная мѣра во всѣхъ деталяхъ, не позволявшая одному фактору сценической перспективы затемнять собой другіе факторы—давала такую гармонію цѣлаго, что объ ослабленіи внутренняго содержанія пьесы не могло быть и рѣчи. Я отлично помню даже мудрый приемъ, практиковавшийся мейнингенцами во многихъ пьесахъ съ особенно поражающей глазъ обстановкой. По поднятіи занавѣса, нѣсколько мгновеній царилъ пауза. Это дѣлалось, очевидно, для того, чтобы зрители успѣли ознакомиться съ прелестью обстановки, вникнуть въ ея детали. И тогда только дѣйствующія лица начинали подавать свои реплики. Движущіеся сценическіе эффекты мейнингенцы примѣняли съ большою осторожностью. Отлично помню, какъ въ третьей картинѣ перваго дѣйствія „Юлія Цезаря“ („Улица. Громъ и молнія“), огромные обрывки дождевыхъ тучъ ползли по небосводу, то закрывая, то открывая ликъ луны. Но... все это было до появленія дѣйствующихъ лицъ, Цицерона и Каски. Стоило имъ

Утренняя заря.
(Съ акв. Марольда).

выйти на сцену, и валы движущихся облаковъ сдерживались машинистомъ.

Моя мысль, кажется, ясна. Слѣдуетъ избѣгать движущихся сценическихъ эффектовъ, которые, въ истинно художественномъ смыслѣ, часто губятъ наиболѣе содержательные моменты драматическихъ произведеній. Быть можетъ, эти детали сценической иллюзіи иногда даютъ пьесѣ успѣхъ, но это успѣхъ декоратора и машиниста, а не успѣхъ пьесы, не успѣхъ автора, не успѣхъ исполнителей. И еще одно. Никогда самая роскошная, самая яркая и живописная монтировка не можетъ привести къ тому отвлеченію вниманія отъ внутренняго содержанія пьесы, какъ это дѣлаютъ два-три движущихся эффекта. Къ любой декорации, къ любой живописности сценической постановки зритель привыкнетъ чрезъ двѣ-три минуты и не будетъ уже отрывать своего вниманія отъ пьесы, между тѣмъ, какъ неожиданный декоративный двигательный эффектъ на долго отброситъ его въ сторону отъ развивающейся передъ нимъ драматической интриги. Поэтому—*est modus in rebus*, и право, всѣми этими новѣйшими изобрѣтеніями театральнoй техники, всею этой полнотой сценическихъ иллюзій, слѣдуетъ пожертвовать въ интересахъ авторовъ, исполнителей и самой публики.

Импрессионистъ.

„Галеото“.

Для открытія спектаклей въ Михайловскомъ театрѣ была поставлена испанская драма Эчегерая „Галеото“. Миѣ горючили, что она не новость на русской сценѣ, и что ее играли въ другомъ переводѣ на нѣкоторыхъ частныхъ сценахъ. Но я ее никогда не видалъ, и думаю, что мало отъ этого потерялъ. Не скажу, чтобы Эчегерай былъ плохой писатель, а „Галеото“—плохая пьеса, но посредственный пьеса иностраннаго репертуара, появившаяся на русской сценѣ, поражаетъ какъ-то своей совершенной ненужностью. Въ пьесѣ, которой содержаниемъ является родной бытъ, ищемъ и находимъ отраженіе своей жизни. Въ иностранной пьесѣ имѣется только одинъ интересъ, чисто художественный, върѣше, чисто психологическій, отрѣшенный отъ всѣхъ придачъ, отъ бытового элемента, отъ общественнѣхъ и умственныхъ теченій переживаемаго момента. Въ такомъ чистомъ видѣ художественное произведеніе можетъ доставить неизрѣченныя наслажденія, но за то каждаго требованія оно должно удовлетворять и какою глубиною таланта долженъ отличаться авторъ!

„Галеото“ задуманъ не безъ интереса. „Галеото“—это собирательная личность толпы, тѣ, которыхъ мы не видимъ, потому что они за кулисами, но которые управляютъ ходомъ дѣйствія. Это—что-то, вродѣ рока древней трагедіи, перенесеннаго изъ области навивой, мистической вѣры, въ сферу реальной психологіи толпы. Въ прологѣ герой, молодой писатель Эрнестъ, излагаетъ предъ слушателями теорію драмы, которую онъ собирается написать и которая представляется, въ общихъ чертахъ, объясненіе личной драмы, подготовляемой ему судьбой. Герой драмы, върѣше, ея главная пружина—толпа. Любви въ драмѣ нѣтъ, но все совершается вокругъ любви. „Иначе говоря, замѣчаетъ слушатель Эрнеста, почтенный донъ Мануэль,—твоя драма кончается тамъ, гдѣ она должна начаться?“ „Да, да, восклицаетъ Эрнестъ.—это именно такъ!“

Этой основной мысли нельзя отказать въ глубинѣ и интересѣ. Напомню, что позднѣе Эчегерай—пьеса написана давно—эту же мысль проводилъ, правда, въ неслыхныхъ и смутныхъ выраженіяхъ, Метерлиньхъ. Но интересная и въ извѣстной степени оригинальная мысль Эчегерая, въ сущности, не выходитъ за предѣлы предположеній, и въ смыслѣ фавулы, представляетъ повтореніе сказанія о королевѣ Джисеврѣ и Данчелотѣ, послужившаго сюжетомъ для стихотворной драмы г-жи Чюминой, которая недавно была напечатана въ фельетонахъ „Новостей“.

Но къ удивленію, въ драмѣ именно нѣтъ толпы. Имѣется сцены—факторы довольно жалкіи, послѣ ожиданій, которыя возбуждаетъ прологъ. Сцены объясняютъ прожиганіе молодого Эрнеста въ домѣ Мануэля предосудительными отношеніями къ женѣ послѣдняго—Юліи. Въ душу Мануэля закрадываются подозрѣнія, а цѣлый рядъ случайностей утверждаетъ его въ нихъ. Онъ дерется на дуэль, смертельно раненый является на квартиру Эрнеста, и тамъ въ спальнѣ Эрнеста—о, ужасъ!—находится Юлія, которая пришла затѣмъ, чтобы разстрѣлять дуэля Эрнеста съ каки-то сцелтикомъ графомъ. „Ты не вършишь?“ кричитъ Юлія мужу. Однако трудно не повѣрить. Это эффектъ мелодрамы, вродѣ „Невинно-осужденнаго“, и крупная мысль автора о непреоборимой силѣ толпы размѣнивается на дешевую мелочь общепринятыхъ *coups de théâtre*. Въ третьемъ актѣ Эрнестъ является къ Юліи и требуетъ объясненій. Въ чемъ? Его гордость возмущена подозрѣніями. Однако, вѣдь здѣсь не одинъ глухія, ни на чемъ не основанныя, подозрѣнія. Здѣсь на лицо улыбка—пробываніе Юліи въ спальнѣ Эрнеста, и эту улыбку нужно опровергнуть фактами, а не протестами. Въ сосѣдней комнатѣ, далѣе, лежитъ умирающій изъ-за сцелтика человекъ. Я думаю, что какъ ни гордо возмущеніе невиннаго человека, но сначала слѣдуетъ пожалѣть умирающаго и другую невинную жертву этой трагедіи—Юлію. Юлія проситъ Эрнеста удалиться. И ея гордость сломилъ обстоятельства. Все это совершенно вѣрно, но трагическія обстоятельства, предсмертные стоны умирающаго мужа слишкомъ тягостны, и изъ-за нихъ опять-таки мы не видимъ этой власти толпы, этого медленнаго засасыванія сцелтика, т. е. того именно, къ чему стремился авторъ. Но что совершенно не нужно и представляетъ лишь нагроможденіе театральнѣхъ эффектовъ—это пощечина, которую даетъ умирающій Мануэль Эрнесту. „Что это доказываетъ?“ спросилъ однажды разсѣянный математикъ, получившій тумака въ праздничной толпѣ. Именно, что это доказываетъ? Ибо всѣми этими дуэлями, убійствами, пощечинами и прочее, извращается основной характеръ невидимаго героя, который есть толпа. Ибо сущность толпы есть методическое, почти незримое дѣйствіе. Ибо толпа дѣйствуетъ, какъ глинистая почва, медленно втягивая жертву въ тьму пошлости. Ибо основное свойство толпы есть именно то

безстрастіе, то видимое безразличіе, съ которыми она совершаетъ самыя ужасныя, но вполне безкровныя, убійства.

Вотъ почему, замысль Эчегерая—одно, а его драма—совершенно другое. На сценѣ обыкновенная, изъ сотенъ подобныхъ, мелодрама, но съ литературнымъ соусомъ. Такай же мелодрама—финалъ пьесы. Эрнестъ читаетъ горкай монологъ и уводитъ плачущую Юлію изъ дому. Но во первыхъ, Юлію выгнали такъ же, какъ и Эрнеста. Стало быть, уходъ только на половину героической. А во вторыхъ, въ восклицаніи Эрнеста „она моя!“ нѣтъ связи съ предыдущимъ, ибо въ предыдущемъ не имѣется никакихъ указаній на зарождающееся подъ влияніемъ гонимой чувствъ. Ихъ могла бы соединить толпа—также медленно, какъ она совершаетъ безкровныя убійства обреченныхъ жертвъ—но у автора такого органическаго соединенія двухъ лицъ, поставленныхъ въ одинаковыя приблизительно условія, нѣтъ, а есть грубый толчокъ, бросающій Эрнеста и Юлію другъ къ другу въ объятія. На зарожденіе же чувства, на ростъ его нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека.

Такова эта драма глубококихъ намѣреній и весьма шаблоннаго содержанія. Главныя роли были распределены между г-жей Коммисаржевской (Юліи), г. Юрьевымъ (Эрнестъ) и г. Горевымъ (Мануэль). Г-жа Коммисаржевская фигурой и даже тономъ несколько не подходитъ къ роли Юліи. Специальность г-жи Коммисаржевской—молодая дѣвушка, для которыхъ у ней имѣется пѣвучій тонъ и особая грація движеній. Эту роль должна была бы играть г-жа Савина, если бы только она согласилась играть ее, и если бы болѣзнь не держала ее вдали отъ сцены. Я не знаю среди мировыхъ артистокъ ни одной, у которой такъ удивительно выходила бы пасивная энергія,—сила молчанія, выражаемая иначе—какъ у г-жи Савиной. Вспомните молчаливую драму въ „Бездѣльныхъ“—какой мрачный колоритъ сообщаетъ женской фигурѣ г-жа Савина! Г-жа Коммисаржевская съблала Юлію какъ-то безсодержательной. Двѣ-три венки, и только. Она недоразвила и не дополнила эскизной фигуры, созданной авторомъ. Въ ея Юліи не было символа, скажу я,—символа понимаемой толпою женской чистоты—той абстракціи, благодаря которой могла выдвинуться изъ подъ нагроможденія мелодраматическихъ случайностей основная мысль пролога.

Г. Юрьевъ, несмотря на охрипшій голосъ, былъ, въ общемъ, превосходнымъ Эрнестомъ. Онъ далъ „безстрастіе чистоты“ имѣетъ съ упрямствомъ молодого идеализма. Я говорю о контурахъ сценической фигуры, но вдавался въ частности, которыя могли быть лучше или хуже. Единственно, что не было съблано артистомъ,—это пореломъ послѣдняго акта, когда Эрнестъ восклицаетъ „она моя!“ У автора, какъ я уже выше выразился, это мѣсто, вообще, смято, но артистъ долженъ восполнить недочеты въ постановкѣ пьесы. Въ этомъ восклицаніи „она моя!“ должна быть выражена съ молниеносной быстротой вся цѣль психологическихъ и логическихъ основаній, которыя привели Эрнеста, никогда не мечтавшаго объ Юліи, и Юлію, которая была такъ далека отъ любовнаго чувства къ Эрнесту, къ вылку „союзу сердецъ“, выражаясь старинной романтической метафорой. Эрнестъ уже не юноша, но мужъ; не безстрастно чистый, но страстно увлеченный; не идеальность, борющійся во имя погрѣшной чистоты отношеній, но эгоистъ, у котораго теперь предъ глазами ясная и опредѣленная цѣль—обладаніе любимой женщиной.

О г. Горевѣ могу сказать мало утѣшительнаго. Въ почтенномъ артистѣ никакъ не можетъ уснуть пылкій любовникъ. Г. Горевъ совершенно напрасно записали въ резюмь. Это „сбѣдующій левъ“, который не можетъ переродиться и утратить свой *Sturm und Drang*...

А. К—ель.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Бывшему директору Императорскихъ театровъ И. А. Всеволожскому пожаловано званіе почетнаго члена конференціи Императорскихъ театральнхъ училищъ, съ предоставленіемъ права занимать кресло перваго ряда во всѣхъ Императорскихъ театрахъ.

* * *

25 августа, послѣдовало слѣдующее распоряженіе:

1. Засѣданія Коммисіи по составленію „Положенія объ Императорскихъ театрахъ“ приостановить впредь до распоряженія.

2. Поручить предсѣдателю Коммисіи В. П. Погожеву составленіе и изготовленіе къ 1 сентября 1900 года проекта новаго „Положенія объ Императорскихъ театрахъ“ примѣнительно къ составленному имъ конспекту этого Положенія.

3. На время исполненія упомянутаго порученія освободить В. П. Погожева отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей по занимаемой имъ въ Дирекціи должности.

* * *

2-го сентября происходили приемные экзамены въ Драматическіе курсы при Театральномъ училищѣ, въ присутствіи: г. директора Императорскихъ театровъ кн. С. М. Волконскаго. Изъ 32-хъ женщинъ, подвергнутыхъ предварительному испытанію приняты 12, изъ 12 мужчинъ принято 6 человѣкъ.

* * *

Между артистами Императорскихъ петербургскихъ театровъ идетъ подписка на учрежденіе стипендіи имени бывшаго директора Императорскихъ театровъ И. А. Всеволожскаго, при Императорскомъ театральномъ училищѣ.

* * *

Состав опереточной труппы въ московскомъ театрѣ „Акваріумъ“ слѣдующій: г-жи Варгина, Никитина, Попова, Чельская, Дальская; гг. Блюменталь-Тамаринъ, Вураковскій, Михайловъ, Свѣтлавовъ и Дальскій (тенора); Сѣверскій (баритонъ), Туманскій, Улихъ и др. Въ качествѣ главной балерины приглашена г-жа Анда Бони. Оркестромъ дирижировать будетъ г. Вивьепъ.

* * *

Дирекція Императорскихъ театровъ озабочиваясь о доступѣ въ кассу предварительной продажи возможно наибольшему количеству посѣтителей, при наименьшихъ неудобствахъ (какъ то скопленія большой толпы, долгаго стоянія на улицѣ и т. п.), нашла необходимымъ къ существующимъ двумъ кассамъ прибавить еще двѣ, распложивъ ихъ такимъ образомъ: касса № 1—ложи (со стороны консерваторіи), кассы №№ 2, 3 и 4—кресла, балконъ и галерея (со стороны Офицерской улицы).

* * *

Вслѣдствіе заявленія капельмейстера русской оперы о трудности, съ какою сопряжена своевременная подготовка новыхъ оперъ, предложено режиссерскому управленію оперной труппы имѣть строгій надзоръ за своевременнымъ прибытіемъ артистовъ и артистокъ оперной труппы изъ разрѣшенныхъ имъ отпусковъ къ началу сезона и за исправнымъ посѣщеніемъ ими репетицій.

Кромѣ того, капельмейстеру оперы и лицамъ, руководящимъ репетиціями, вмѣняется въ обязанность слѣдить за аккуратнымъ приготовленіемъ артистами къ назначенному сроку порученныхъ имъ для разучиванія партій и о неисправностяхъ докладывать черезъ главнаго режиссера оперной труппы директору Императорскихъ театровъ.

* * *

Открытіе сезона въ театрѣ Литературно-артистическаго Кружка состоится 8 сентября. Для открытія пойдетъ ком. Островскаго «На всякаго мудреца довольно простота». Главныя роли распределены между г-жею Холмской и гг. Далматовымъ, Бравичемъ, Михайловымъ и др.

* * *

Въ Понедѣльникъ, 30 августа, открылся сезонъ въ Маринскомъ театрѣ. Для открытія—по традиціи—была поставлена опера «Жизнь за царя» съ прошлогоднимъ составомъ исполнителей. Особый интересъ для постоянныхъ меломановъ представляло то обстоятельство, что на этотъ разъ оперой дирижировалъ Э. Ф. Направникъ, вполне оправившійся послѣ болѣзни. Публика встрѣтила почетнаго маэстро аплодисментами. Такія же овации выпали и на долю солистовъ цѣвцовъ. Гг. Ершовъ, Серебряковъ, г-жи Долина (Ваня) и Будкевичъ

(Антонида) имѣли очень большой успѣхъ. Сначала намъ показалось, какъ будто г. Ершовъ былъ не въ голосъ, но къ III-му акту артистъ распѣлся и извѣстную фразу «И миромъ благимъ процвѣтетъ!» онъ пропѣлъ великолѣпно. Прекрасный Ваня—г-жа Долина. За лѣто голосъ артистки видимо окрепъ. Вполнѣ благоприятное впечатлѣніе произвела г-жа Будкевичъ въ роли Антонида; въ свое исполненіе она вложила много задушевности и мягкости. Внѣшняя сторона исполненія, т. е. сценическое олицетвореніе Антонида, мало намъ понравилось. Въ небольшой партіи крестьянина-запѣвалы дебютировалъ новый артистъ г. Лабинскій, обладатель симпатичнаго, хотя и небольшого тенора. Говорятъ, что этотъ артистъ выступитъ скоро въ болѣе ответственнѣйшей партіи, поэтому полождемъ высказывать окончательное мнѣніе о дебютантѣ.

Громадный успѣхъ, по обыкновенію, выпалъ на долю «польскаго» и «мазурки», прекрасно исполненныхъ г-жами Петипа, Куличевской и др. и гг. Гердтомъ, Кшесинскимъ 2-мъ, Бекефи и др.

Въ среду, 1 сентября, была возобновлена опера «Демонъ». Нечего и говорить, что г-жа Мравина и г. Яковлевъ имѣли громадный успѣхъ. Точно также и гг. Бухтояровъ (Гудаль) и Карелинъ (Синодаль) пѣли съ тѣми же недостатками и съ тѣми же достоинствами, какъ и прежде. Въ небольшой партіи Генія добра дебютировала новая—для Петербурга—пѣвица г-жа Довернуа. Она обладаетъ красивымъ, ровнымъ и сильнымъ (въ среднемъ и верхнемъ регистрахъ) голосомъ и красивой сценической внѣшностью.

Въ общемъ, все осталось по-прежнему, и даже публика ведетъ себя также, какъ и прежде, т. е. своими неумѣстными (а подчасъ и совершенно излишними) проявленіями восторги мѣшаютъ слушать оперу.

В. Л—ий

Для втораго спектакля дана была «Русалка» Даргомыжскаго. Опера прошла вяло и безвѣстно. Въ роли Наташи впервые, кажется, выступила г-жа Казаковская. У артистки голосъ небольшой, но свѣжій и хорошо обработанный. Впечатлѣнію вредитъ лишь глуховатый тембръ и тусклая окраска звука, издающаяся съ пѣнію крайнее однообразіе тона. Въ репертуарѣ г-жи Славиной роль княгини давно признана коронною. Г-жа Рунге мило спѣла пѣсенку Ольги. Мужской персоналъ во многомъ уступалъ женскому. Г. Чупрынинковъ—посредственный князь и, вообще, посредственный пѣвецъ. Впрочемъ у насъ тенора существуютъ, кажется, для того, чтобы рельефнѣе оттъннить превосходство г. Фигнера. Но кто былъ по истинѣ плохъ это г. Серебряковъ въ роли Мельника. Онъ съ полнымъ основаніемъ могъ произносить свою знаменитую фразу: «какой я мельникъ, я воронъ». Г. Серебряковъ, былъ далекъ и отъ художественнаго пѣнія и отъ образа мельника. Лишь наканунѣ пришлось намъ слушать «Русалку» въ Аркадіи. Предъ г. Серебряковымъ г. Горяиновъ сушій гигантъ. Опероу дирижировалъ г. Крушевскій, капельмейстеръ трудолюбивый, но малодаровитый. Публики собралось не много.

* * *

Редакторъ журнала «Миръ Искусства» г. Дягилевъ назначенъ редакторомъ «Ежегодника Императорскихъ Театровъ».

* * *

Театръ Немецки, арендованный г. Шульцемъ и переименованный въ «Интернаціональный театръ», откроется въ началѣ октября. Въ теченіи зимняго сезона состоится рядъ гастролей заграничныхъ представителей театральнаго искусства.

Первой явится г-жа Режанъ, которая выступитъ лишь въ пяти спектакляхъ, между прочимъ, въ «Заза». Талантливая артистка пріѣдетъ со своей собственной труппой, состоящей изъ артистовъ парижскаго театра «Водевиль». Г-жу Режанъ смѣнитъ нѣмецкая драматическая труппа берлинскаго Residenz-Theater, съ извѣстнымъ комикомъ Александромъ во главѣ, а затѣмъ прібудетъ знаменитый французскій трагикъ Мунэ Сюлли. Въ числѣ пьесъ, въ которыхъ великій артистъ предполагаетъ у насъ выступить, назовемъ: «Сидя», «Эрнани», «Рюи-Блазъ», «Гамлета» и «Отелло». Послѣ него предпологаются гастроли Элеоноры Дузэ, выступающей на этотъ разъ съ обновленнымъ репертуаромъ, въ который, какъ говорятъ, войдутъ пьесы моднаго въ Италіи драматурга и писателя Габриэля д'Аннунціо. На январь мѣсяцъ г. Шульцъ пригласилъ, что уже совсѣмъ напрасно, малороссійскую труппу г. Кропивницкаго съ г-жею Занковецкою для главныхъ женскихъ ролей. Въ теченіе великаго поста состоится гастроли хорошо знакомой Петербургу вѣнской опереточной труппы г-на фонъ-Яунера съ лучшими ея силами, т. е. г-жами Стоянь и Гальтонъ и г. Шпильманомъ и Штейнбергеромъ.

* * *

М. П. Домашева.

Въ составъ труппы Императорскихъ театровъ принята М. П. Домашева, бывшая артистка театра Литературно-артистическаго

Кружка. Молодая артистка происходитъ изъ известной балетной семьи Домашевыхъ, представители которыхъ до сихъ поръ служатъ въ балетѣ Московскаго Большаго театра. По окончаніи драматической школы покойнаго

А. Ф. Федотова въ 1893 г., М. П. Домашева поступила на лѣтній сезонъ въ товарищество драматическихъ артистовъ въ подмосковной дачной мѣстности—Богородскѣ. Зимніе сезоны 1893—1894 и 1894—1895 гг. М. П. служила у Корша. Лѣтній сезонъ 1895 г. артистка играла въ Озеркахъ, у В. А. Казанскаго, откуда была приглашена въ Литературно-артистическій Кружокъ. Г-жа Домашева, несомнѣнно, весьма пріятное дарованіе, веселое и беззаботное. Особенно хороша г-жа Домашева въ роляхъ подростковъ. Это—прирожденный «gamin», и ея интонація и движенія въ этихъ роляхъ полны непосредственности и свѣжести.

Хотя г-жа Домашева была принята еще весною въ составъ труппы, но ей предоставлены три дебюта: Вѣрочки въ «Шутникахъ», Рови въ «Божь бабочкѣ» и Полины въ «Доходномъ мѣстѣ». Первые дебюты—въ роляхъ Вѣрочки и Розы—были удачны и показали, что труппа Александринскаго театра слѣдала въ лицѣ артистки полезное и пріятное пріобрѣтеніе.

* * *

Конецъ сезона въ «Аркадіи» посвященъ былъ бенефисамъ но, вопреки обыкновенію, бенефицианты выступали не съ новинками, а ставили все оперы, уже ранѣе исполнявшіяся товариществомъ. Нѣтъ смысла трудиться надъ разуучиваніемъ новыхъ произведеній и тратить на новыя постановки, когда, въ лучшемъ случаѣ, опера можетъ выдержать лишь самое ограниченное число представлений. Среди спектаклей послѣднихъ дней слѣдуетъ отмѣтить бенефисъ г-жи Картавиной, занимающей въ группѣ амплуа колоратурныхъ сопрано. Эта молодая пѣвица появилась впервые на петербургскихъ подмосковкахъ лишь въ настоящемъ сезонѣ, но за короткое время своей дѣятельности успѣла себѣ снискать расположеніе нашей публики. У артистки превосходный голосовой матеріалъ,

хорошо обработанный въ головномъ регистрѣ. Трель, флоритуръ, notes rapides исполняются она легко и изящно; значительно слабѣе меліумъ, шаткость котораго обуславливаетъ не всегда безукоризненную отчетливость интонацій. За устраненіемъ этого недостатка, присущаго, впрочемъ, большинству нашихъ вокальныхъ дѣятелей, артистка имѣетъ все права на блестящую будущность. Г-жа Картавина выступила въ оп. «Риголетто» и имѣла въ роли Джильды большой успѣхъ. Публика не скупилась на подношенія и аплодисменты. Театръ былъ почти полонъ. Въ заглавной роли выступилъ г. Максаковъ, въ обширномъ репертуарѣ котораго трудная партія шута должна быть отнесена къ наиболѣе осмысленнымъ и обработаннымъ. Партію герцога исполнилъ г. Борисенко, гѣвнецъ весьма музыкальный и обладатель недюжиннаго тенора. Голосъ—нѣчто среднее между лирическимъ и героическимъ теноромъ. Сценическая передача отличается обдуманностью, а вокальная сторона не лишена вкуса. Артисту слѣдуетъ лишь отрѣшиться отъ горлового отгѣнка звука и потрудиться надъ усовершенствованіемъ центра. Роль жизнерадостнаго герцога г. Борисенко провѣлъ мило и не безъ изящества. Известную канонетту сыгравъ онъ недурно, но безъ блеска, къ которому пріучили насъ знаменитые итальянскіе мастера вокальнаго искусства.

Вѣстима удачнымъ, въ музыкально-художественномъ отношеніи, долженъ быть признанъ бенефисъ г. Горьянинова, выступившаго предъ публикою въ роли мельника изъ «Русалки». По гѣвучести, сочности и мощности голоса, г. Горьяиновъ долженъ быть причисленъ къ лучшимъ изъ basso cantante. Распоряжается онъ голосовыми средствами умѣло. Общему впечатлѣнію временами лишь вредитъ пристрастіе артиста къ декламационнымъ пріемамъ, далеко не всегда совпадающимъ съ интересами гѣвнія, и нѣкоторый провинциализмъ сценической игры.

На слѣдующій день послѣ бенефиса г. Горьяинова состоялось закрытіе «Аркадіи». Шель «Евгеній Онѣгинъ», исполняемый товариществомъ превосходно. Этимъ спектаклемъ закончился второй лѣтній сезонъ дѣятельности русскаго опернаго товарищества съ г. Максаковымъ во главѣ. По своимъ результатамъ, эта дѣятельность оказывается блестящею. Товарищество, составленное изъ лучшихъ провинціальныхъ оперныхъ силъ, проявляло кипучую дѣятельность. За лѣтній сезонъ поставлено было 22 оперы. И какъ поставлено! Нерѣдко спектакли товарищества не только не уступали, въ музыкально художественномъ отношеніи, нашей казенной оперѣ, но даже превосходили ее. И когда подумаешь, что этотъ результатъ созданъ какою то горстью артистовъ, пѣвѣдомыхъ въ нашей столицѣ, незнакомыхъ со столицей, начавшихъ дѣло съ самими ничтожными средствами и возлагавшихъ все свои надежды единственно на талантъ, добросовѣстность и любовь къ дѣлу,—нельзя не преклониться предъ этими тружениками сцены. Публика оценила усилія товарищества, усердно посѣщая оперные спектакли, несмотря на невагоды ужаснаго петербургскаго лѣта. Признательность публики выразилась и въ горячихъ пронодахъ на послѣднемъ спектаклѣ, и въ восторженной оваціи талантливому руководителю и премьеру труппы, г. Максакову, соединяющему дарованія выдающагося гѣвца и артиста съ качествами умѣлаго и энергичнаго администратора. Г. Максаковъ воочію доказалъ возможность существованія у насъ частной русскаго оперы и полную примѣнимость товарищескаго начала даже къ такимъ сложнымъ театральнымъ предпріятіямъ, какъ оперное. Это заслуга не

Но если предпріятіе товарищества увѣличалось такимъ успѣхомъ даже лѣтомъ, когда серьезное искусство прививается съ трудомъ и удача зависитъ во многомъ отъ такого капризнаго обстоятельства, какъ погода, то тѣмъ больше пиисовъ для частной оперы зимою. Отчего же, однако, товарищество не остается у насъ на зиму? Стыдно сказать, за отсутствіемъ зимою театральнаго помѣщенія. Не пора-ли серьезно подумать о новомъ театрѣ?

И. К—ій.

* * *

Въ театрахъ Попечительства о народной трезвости отъ артистовъ требуется обязательное присутствіе при представленіяхъ новыхъ или возобновляемыхъ пьесъ, а между тѣмъ артистамъ не отводится никакихъ постоянныхъ, хотя бы и скромныхъ мѣстъ, и при нѣкоторомъ наплывѣ публики, артистовъ перегоняютъ (буквально) съ одного мѣста на другое, къ неудобству самой публики и къ большому конфузу злополучныхъ «служителей искусства». Нѣкоторые изъ нихъ не выдерживаютъ подобныхъ порядковъ и на свой счетъ пріобрѣтаютъ билеги, лишь бы исполнить требованіе правилъ. Между тѣмъ возможно, что такъ своевольно распоряжаются только билетеры и контролерши театровъ попечительства; можетъ быть, объ этихъ мытарствахъ артистовъ высшая администрація театровъ не имѣетъ понятія. Иначе было бы странно требовать отъ артистовъ обязательнаго присутствія въ театрахъ и не давать имъ тамъ мѣстъ. Вѣдь артисты попечительства и такъ получаютъ гроши, и всякая копѣйка имъ конечно, очень дорога.

* * *

Въ „Нов. Врем.“ печатается оригинальная публикація торговаго дома „Юлія Генрихъ Циммерманъ“ о продажѣ баладаекъ. Публикація слабжена портретомъ извѣстнаго баладаечника В. В. Андреева, разумѣется, достаточно изуродованнаго грубостью клише и грубостью печати. Видъ рекламы—совершенно неизвѣстный. Не думаемъ, чтобы г. Андреевъ далъ согласіе на такое уродованіе своего портрета въ торговыхъ объявленіяхъ побѣдоноснаго Юлія Цезаря Циммермана, и полагаемъ, что это отъ собственной „быстроты ума“.

* * *

Кромѣ «Царской невѣсты», Римскаго-Корсакова, открывающей рядъ новыхъ постановокъ въ московской частной оперѣ предположены и слѣдующія оперы русскихъ композиторовъ, частью законченныя авторами, частью находящіяся въ окончательной отдѣлкѣ: «Ожерелье», Кроткова, «Ася», на Тургеневскій сюжетъ, Ипполитова-Иванова, и «Двѣнадцатый годъ», Калининкова.

Въ Маринскомъ театрѣ пойдутъ «Далиборъ» Сметаны, «Сарацинъ» Ц. Кюи и «Богема» Пуччини.

* * *

Спектакли Александринскаго театра открылись «Шутниками» Островскаго. Пьеса не шла со дня трагической смерти Свободина, во время исполненія роли Оброшенова. Нынче ее игралъ г. Давыдовъ. Почтенный артистъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ критиковъ, игралъ скорѣе Расплюева, нежели Оброшенова. Оброшеновъ—это замоскворѣцкій Риголетто. Какъ ни странно и парадоксально на первый взглядъ такое утвержденіе, но по моему въ «Шутникахъ» есть какая-то довольно, впрочемъ, отдаленная связь съ «Le roi s'amuse» Гюго. Разумѣется, Оброшенову далеко до героическаго романтизма Трибуль. Онъ никоимъ образомъ не убиваетъ, и стоя одной ногой на трупѣ дочери, который онъ воображаетъ трупомъ короля, не высклицаетъ съ демоническимъ восторгомъ:

Ceci c'est un bouffon, et ceci c'est un roi...

И тѣмъ не менѣе, что-то наболѣвшее, издерганное, какаютъ внутренняя надсада, какой-то свѣтъ чистой любви, сквозь грязь и оболочку шутства, чувлятся мнѣ въ Оброшеновѣ. Г. Давыдовъ былъ за жирѣвшимъ Сахаръ Сахарычемъ, Ризположенскимъ, Расплюевымъ—къ мнѣ угодно, но только не шутникомъ, надъ которымъ жизнь шутила столько печальныхъ шутокъ. И при томъ у г. Давыдова нѣтъ «нервовъ», и для того, чтобы растрогать публику, ему приходится прибѣгать ко всѣмъ рессурсамъ техники и далеко не всегда съ успѣхомъ. Почти тотъ же упрекъ можно сдѣлать г. Аполлонскому—Гольцеву. Нѣтъ нервовъ, нѣтъ увлеченія, нѣтъ внутренней надсады. Очень старательная, правильная, разсчитанная, согласованная съ авторскими намѣреніями, игра, но холодная и сухая.

Вообще, исполненіе «Шутниковъ»—довольно слабое. Даже г. Варламовъ изъ Хрюкова сдѣлалъ замоскворѣцкаго Спарфучиле, грознаго, облаго, озорнаго и лайл... Г-жа Домашева, дебютировавшая въ роли Вѣрочки, волновалась, но была мила. Также понравилась мнѣ г-жа Моравская, игравшая Анну съ большою выдержкой и большимъ вниманіемъ къ гриму и туалету.

Что сказать о Недоносковыхъ и Недоростковыхъ? Почему этихъ очень молодыхъ людей играли очень немолодые люди, гг. Шевченко и Шаповаленко, которымъ сама судьба назначила играть Бобчинскаго и Добчинскаго? Какіе же они молодые люди? И почему именно они, а не гг. Озаровскій и Усачевъ, которые совсѣмъ были бы, выражаясь тривиально, два сапога—пара?

Но самое любопытное, что пьеса показалась мнѣ плохо слаженной и сретованной. Шла разногласица, индѣ паузали, индѣ мѣняли тона, сбивались съ темповъ и прочее. За то отличные аксессуары, и привезенный нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Германіи аппаратъ для искусственнаго дождя, дѣйствовалъ прекрасно... Но объ этомъ см. выше. *Ното погис.*

* * *

Во вторникъ, 31 августа, въ театрѣ «Олимпія» состоялся бенефисъ г-жи Раисовой, поставившей уже достаточно надобную «Гейшу» и второй актъ «Цыганскихъ пѣсенъ въ лицахъ». Въ свое время у насъ достаточно говорилось какъ о самой «Гейшѣ», такъ и объ исполненіи. Прибавимъ только, что г-жа Раисова въ роли О-Мимозы имѣла еще большій успѣхъ, чѣмъ прежде. Но всѣ овалы по адресу бенефициантки были отложены на «Цыганскія пѣсни», съ г-жей Раисовой въ роли Стешы. Цыганскіе романсы въ передачѣ г-жи Раисовой—это своего рода произведеніе искусства. Въ натурѣ каждого изъ насъ есть нѣмного «цыганщины», но эта цыганщина въ насъ—не натуральная, а такъ сказать—атрофированная, подернутая дымкой нѣкоторой культурности. Исполненіе г-жи Раисовой именно потому и дѣйствуетъ на насъ, что она умѣетъ отбѣгать въ романсахъ все то, что одурманиваетъ человѣка; весь тотъ «наркозъ», которымъ сильны цыганскіе романсы. Въ то же время артистка сглаживаетъ національныя рѣзкости исполненія цыганъ, которыя часто мѣшаютъ впечатлѣнію.

Р. М. Раисова.
(Къ бенефису 31 августа).

Успѣхъ, какъ уже было упомянуто, г-жа Раисова имѣла очень большой. Подарковъ и подношеній было множество. Между прочимъ, былъ роскошный подарокъ и отъ дирекціи которой артистка вѣрой и правдой служила нынѣшній неблагопріятный сезонъ.

Вл. Л.—ий.

* * *

22 августа закончился лѣтній сезонъ труппы Н. М. Михайлова въ Парголовѣ. Последними спектаклями были: «Забубенная головушка» (бенефисъ г. Микулина), «Трильби» (бенефисъ г. Савонова) и «Злоба дня» (закрытіе и бенефисъ г-жъ Михайловой и Карповой). Позднее время, ненастная погода, слишкомъ извѣстныя пьесы мѣшали хорошимъ сборамъ, которые, вообще, нынѣшнимъ лѣтомъ были въ Парголовѣ не изъ важныхъ, гораздо хуже прошлыхъ двухъ сезоновъ. Драма посѣщалась охотнѣе легкиихъ пьесъ. Сборы колебались между 30—70 рублями. Лучшій сборъ далъ бенефисъ г. Микулина (100 слицкомъ). Пьесы ставились не по силамъ труппы, не по средствамъ и размѣрамъ маленькаго, дачнаго театра.

Въ трехъ названныхъ пьесахъ лучше другихъ были: г-жи Михайлова и Карпова (хозяйка-нѣмка и Хлопонина;) воспитанница—Маша, сиротка и Градищева—дочь. Это лучшія ихъ роли, гг. Микулинъ (очень хороший Петръ и совсѣмъ слабый Хлопонинъ—сынъ: грубо шаржировалъ), Михайловъ (Жекко и Хлопонинъ—отецъ). Лейманъ (Апатовъ, Тафи и Градищевъ—отецъ) и Савоновъ (Градищевъ—сынъ).

* * *

На дняхъ открылись драматическіе спектакли П. П. Соловцова въ Одессѣ. Для открытія шли «Лѣсъ» съ г. Васгуновымъ. Для дебюта г. Скуратова шла «Баба». Пьесу жестоко изругали въ одесскихъ газетахъ. Смягчающимъ вину обстоятельствомъ можетъ служить то, что Алену играла... комическая старуха г-жа Чужбинова. При такомъ пониманіи пьесы, ничего хорошаго и нельзя было ждать. Г. Скуратовъ въ роли Гремухина имѣлъ большой успѣхъ, и имѣлъ бы вѣроятно, еще большій, если бы пьесу иначе обставили.

* * *

† И. И. РЮМИНЪ. 2 Августа внезапно скончался ближайшій сотрудникъ бывшаго директора театровъ И. А. Всеволожскаго, управлявшій Театральнымъ училищемъ, гофмейстеръ Иванъ Ивановичъ Рюминъ. Покойный кромѣ того управлялъ балетною труппой. Покойный пользовался репутаціей добрейшаго человѣка. За послѣднее время здоровье его сильно разстроилось, (онъ страдалъ астмой). Рюминъ, окончивъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1887 году 27-го мая онъ былъ назначенъ управляющимъ Театральнымъ училищемъ.

* * *

† Н. Н. Трубецкой. На дняхъ скончался даровитый артистъ театра Корша, Николай Николаевичъ Трубецкой. Скончался онъ, отъ осложнивагося крупознаго воспаленія легкихъ, въ своемъ имѣніи Должиковъ, Зарайскаго у., Рязанской губ. Н. Н. былъ еще молодой человѣкъ. Ему едва минуло 38 лѣтъ. П. Н. (настоящая его фамилія—Раффъ)—французъ по

происхожденію. Дѣдъ его былъ взятъ въ плѣнъ въ двѣнадцатомъ году и остался въ Россіи. Отецъ служилъ го-родничимъ въ одномъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ и готовилъ сына къ военной службѣ. Окончивъ военное училище и выпущенный въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ, восемнадцатилѣтній Н. Н., страстный театралъ, въ томъ же году оставилъ службу, — и началась долгая, полная и незадачъ и успѣховъ театральная карьера. Н. Н. игралъ на многихъ провинціальныхъ сценахъ, ме прочимъ — въ Харьковѣ и Одессѣ, въ Москвѣ, у Горе а послѣдніе годы служилъ у Корша, занимая амплуа пер-ваго драматическаго любовни

Это былъ человѣкъ большого артистическаго „нугра“, съ большою искренностью, которой онъ искупалъ недо-статокъ сценической техники и нѣкоторое однообразіе игры. Онъ умѣлъ жить на сценѣ и ярко передавать настро-енія, и зрительная зала любила его за этотъ трепетъ чувства. Не всегда удовлетворяя въ роляхъ классиче-скаго репертуара, къ которымъ онъ имѣлъ большое тяго-тѣніе, Н. Н. былъ превосходенъ въ простыхъ бытовыхъ роляхъ. Изъ ролей отмѣтимъ Жадова, который удавался ему великолѣпно.

Н. Н. часто хворалъ, особенно послѣ того, какъ, много лѣтъ назадъ, былъ раненъ выстрѣломъ изъ револьвера. Выстрѣлъ этотъ „романическій“, и въ свое время надѣ-лалъ много шума въ театральной средѣ. Особенно уча-

† Н. Н. Трубецкой.

стились болѣзни его въ послѣдніе годы, и не разъ бо-лѣзнь его ломала репертуаръ театра.

Въ послѣдній разъ Н. Н. пришлось играть на киево-водской сценѣ, въ роляхъ случайныхъ, не его амплуа, вообще — при условіяхъ весьма неблагоприятныхъ, которыя и заставили его бросить ангажементъ и отказаться отъ службы. Вернуться на подмостки ему было не суждено.

* * *

Намъ пишутъ:

Изъ Москвы. 30 августа для открытія сезона Большого театра шла оп. „Жизнь за Царя“, съ г. Трезвинскимъ въ пар-тін Сусанина. Артистъ имѣлъ громаднй успѣхъ. Въ этотъ

день г. Трезвинскій праздновалъ десятилѣтіе своего слу-женія на Императорской сценѣ и ему поднесены были лавровый вѣнокъ и медальонъ съ брилліантами. Сборъ полный.

Для открытія сезона Малаго театра шло „Горе отъ ума“ съ прежнимъ составомъ исполнителей, за исключеніемъ г-жи Турчаниновой — Лиза и г. Худолѣва — Молчалина. Сборъ полный.

Въ Новомъ театрѣ шла „Блестящая карьера“ съ прошло-годинимъ составомъ исполнителей. Успѣха не было. Театръ былъ далеко не полный.

Театръ Корша открылся дневнымъ спектаклемъ. Шелъ „Лѣсъ“, съ дебютанткой г-жей Минткевичъ въ роли Аксюши, а вечеромъ „Ревизоръ“, съ дебютантомъ г. Стронтелевымъ, въ роли Городничаго. Дебютанты крайне робѣли и волно-вались, а потому высказать объ нихъ положительное мнѣ-ніе затруднительно. Театръ былъ далеко не полный. На роли любовниковъ вмѣсто Трубецкаго приглашенъ г. Ка-рамазовъ. Даютъ „Доходное мѣсто“ и „Жизнь Илмова“. Открытіе театра Солодовникова послѣдуетъ 5 сентября оперой „Садко“.

Открытіе Художественно-общедоступнаго театра ожи-дается во второй половинѣ сентября трагедіей „Смерть Гоанна Грознаго“. Лѣтній сезонъ для подмосковныхъ театр-овъ закончился не совѣмъ благополучно. *Богородское.* Товарищество Р. Р. Вейхеля. На первыя марки получено по 50 р. въ мѣсяцъ. *Пушкино.* Антреприза А. А. Разска-зова. Убытокъ около 2 тысячъ рублей. *Кунцево.* Товари-щество К. П. Красновой. На марку ничего не пришлось.

Труппа „Фарсъ“ С. К. Лении 31 августа блестяще за-кончила сезонъ. Успѣхъ выше всякихъ ожиданій. Вено-фисъ г-жи Воронцовой-Лении, гг. Лении и Сабурова по возвышеннымъ цѣнамъ проиши при аншлагахъ. Поставлено было 99 спектаклей, валовая цифра достигла 62.327 р. 35 к., дирекціи театра въ лицѣ гг. Лении и Сабурова раздѣлила на свои панъ 19.973 р. 61 к. Самый большой сборъ былъ бе-нефисъ г. Лении — 1637 р. 25 к.

Закрытіе „Аквариума“ послѣдуетъ 8 сентября. Въ зимній театрѣ „Вуффъ“ г. Омонъ формируетъ труппу для „Фарса“. Въ составъ труппы вошли знакомые Петербургу г-жа Вар-ламова и г. Полонскій.

Новый.

* * *

Антрепренеръ М. И. Ахматовъ прислалъ намъ отчетъ за истекшій лѣтній сезонъ. Цифры эти не лишены инте-реса, въ виду неблагоприятнаго оборота дѣла и разныхъ слуховъ. Валовой сборъ съ 20-го апрѣля по 9 августа въ городахъ: Самарѣ, Царицынѣ, Воронежѣ, Житомирѣ, Вер-дичевѣ и Казани — 14,090 р. 96 к. Расходы же, какъ видно, изъ подробной таблицы — 21,108 р. 4 к. Итого г. Ахматовъ, по собственнымъ словамъ, понесъ убытку 7,017 р. 8 к.

* * *

Въ составъ труппы «Фарсъ» приглашены на зимній сезонъ г-жи Коши-Стрѣльская, Тенишева; гг. Басмановъ, Грѣховъ и Яковлевъ.

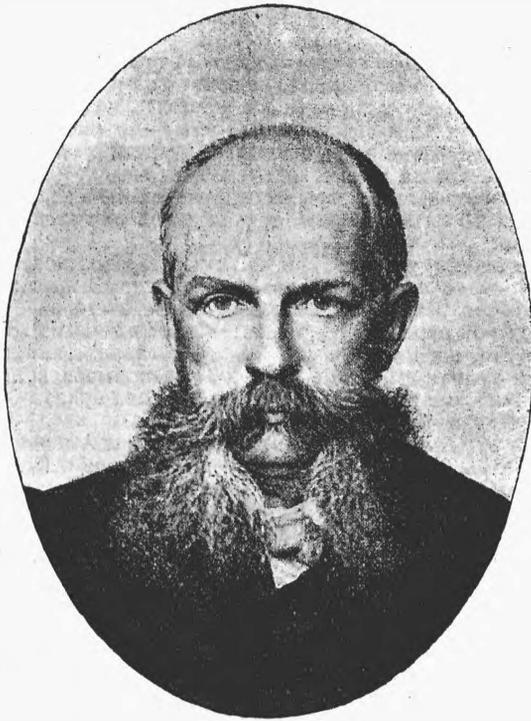
* * *

Въ воскресенье, 22-го августа, состоялось закрытіе сезона въ Стар. Петергофѣ, на дачѣ Ивановыхъ, гдѣ въ теченіи девяти лѣтнихъ сезоновъ ставилъ спектакли кружокъ люби-телей, подъ управленіемъ Л. В. Раева. Нынѣшній сезонъ на-чался сравнительно поздно — съ 25 іюля и за все лѣто дано только пять спектаклей. Первымъ шла драма Вальде «Пре-ступница», причемъ въ заглавной роли выступила провин-ціальная артистка Самойлова-Алибина. Для второго спектакля дана была драма Вл. Александрова «На жизненномъ пиру», въ которой имѣли успѣхъ гг. Востоковъ — очнь типичный баронъ Хабенихтъ и Раевъ. — въ роли мужа — Хотнева, проведенной имъ очень горячо. Затѣмъ была поставлена извѣстная драма Антропова «Ванька Ключникъ». Въ заглавной роли имѣлъ успѣхъ гг. Оранскій, Востоковъ. Сборъ на этихъ спектакляхъ былъ полный (160 р.). Кружокъ въ этомъ сезонѣ поставилъ также одну мелодраму — «Слѣпой и горбатый».

Для закрытія — 22-го августа — шла ком. Островскаго «Бѣд-ность не порокъ», разыгранная гг. Оранскимъ, Шалѣвымъ, Зу-бовымъ, Раевымъ и др.

* * *

Надняхъ исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти А. Э. Погос-скаго, основателя русскаго солдатскаго театра. Покойный родил-ся въ 1816 г., въ Полоцкѣ, и кончилъ курсъ въ Петербургскомъ высшемъ училищѣ (нынѣ вторая гимназія), въ 1831 г. Тотчасъ же по окончаніи онъ поступилъ на военную службу. Попавъ въ среду солдатъ, Погоскій прекрасно ознакомился съ нуж-дами и бытомъ этой среды. Въ 1843 г. онъ былъ произве-денъ за отличіе въ офицеры, но вскорѣ же совершенно оста-вилъ военную службу и перешелъ на гражданскую.

А. Ф. Погосскій.
(Къ 25-лѣтїю со дня смерти).

Писать Погосскій началъ тотчасъ по выходѣ изъ военной службы. Первымъ произведеніемъ его была сказка въ стихахъ «Жизнь безъ горя и печали», а затѣмъ стали появляться «Солдатскія замѣтки», которыя вскорѣ же сдѣлали имя молодого писателя извѣстнымъ въ военномъ мірѣ.

Съ 1858 г. Погосскій сталъ издавать журналъ «Солдатская Бесѣда», книжечки которой приобрѣли большую популярность въ войскахъ.

Какъ въ этихъ журналахъ, такъ и въ другихъ, Погосскій помѣстилъ много статей; полное же собраніе повѣстей и военныхъ разсказовъ его обнимаетъ собой до 30-ти книжекъ.

Изъ пьесъ для солдатъ назовемъ «Жареный гвоздь», «Дѣдушка домовой» и др. Въ своихъ «Солдатскихъ замѣткахъ» и нѣкот. др. статьяхъ Погосскій не разъ поднималъ вопросъ объ образовательномъ значеніи театра въ военной средѣ. Правда, пьесы Погосскаго слабы въ художественномъ отношеніи, но важно, что онѣ интересуютъ народную массу и послужили фундаментомъ для будущаго солдатскаго театра.

Взгляды Погосскаго на искусство ярче всего выразились въ повѣсти «Музыкантъ». Здѣсь авторъ упрекаетъ русское общество въ томъ, что искусство для русскаго человѣка не есть необходимость, а только—праздная забава.

Изъ Москвы.

Мы перешли на зимнее театральное положеніе, и почти всѣ московскіе театры заработали во-всю, точно снѣга разрядить накопленную за лѣто энергію. Всюду новыя пьесы, новые исполнители старыхъ ролей, новые артисты. Всего нѣсколько первыхъ дней сезона,—а театралы, считающіе святымъ долгомъ вездѣ быть и все видѣть, и особенно газетные песторы, тяжелымъ долгомъ рецензентской и хроникерской службы обязываемые на все торопливо отозваться въ своихъ хроникахъ и летучихъ ночныхъ замѣткахъ—уже успѣли съ ногъ сбиться. Начало бурное и многообѣщающее, хотя само по себѣ, пока и непервокласснаго интереса.

Крупнѣйшее театральное событіе этихъ первыхъ дней постановка на сценѣ Новаго театра исторической хроники Островскаго—«Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ». Смѣло говоримъ—крупнѣйшее событіе, хотя публика отнеслась къ нему съ большимъ равнодушіемъ. Она не соблазнилась даже высокимъ балдомъ, выставленнымъ газетами генеральной репетиціи «Хроники» и, вѣрная своей нелюбви къ новому театру и хроникамъ Островскаго, «воздержалась» отъ посѣщенія. Въ залѣ на «премьерѣ» сезона было обидно пусто. Но, мы увѣрены, «Мининъ» въ великолѣпной, истинно-художественной постановкѣ Новаго театра, хоть и не сразу, сдѣластъ свое дѣло и про-

бьетъ эту толпу цедовѣрія и равнодушія. Рѣдко какаго пьеса ставилась у насъ съ такой любовью, съ такимъ знаніемъ дѣла и такимъ вкусомъ. На спектаклѣ говорили, что это Художественно-общедоступный театръ «подтянулъ» казенную сцену. Можетъ быть. Только не все ли равно, кто кого подтягивалъ, и подтягивалъ ли вообще кто-нибудь кого-нибудь? Здѣсь дѣло не въ какомъ-то приоритетѣ, а въ результатѣ. Оно стоитъ всяческой похвалы. Великолѣпныя декорации, которыми можетъ быть одинаково доволенъ и придирчивый историкъ, и избалованный художникъ, и просто зритель, которому нужна на сценѣ лишь иллюзія. Мастерскія народныя сцены, съ толпою, полною жизни, разнообразія, характерности и живописности. Эти сцены, лучшія у Островскаго, въ его хроникѣ, немного длинной, немного риторичной и приподнято-патриотической, объявленной духомъ нѣмецкаго романтизма, лучше всего выходятъ и въ передачѣ труппы. Тутъ нѣтъ никакихъ ухищреній, излишнихъ подчеркиваній и стремленій поразить, во что бы то ни стало. Ни глушащаго гама, ни глѣхъ экстравагантностей, въ которыя, напримѣръ, впадали, въ воплѣ понятномъ и симпатичномъ стремленіи порвать съ рутинной *mise en scène*, при постановкѣ «Царя Федора» въ Художественно-общедоступномъ театрѣ. Но нѣтъ и этой рутини, этой обидной преданности шаблону, которою болѣютъ другія московскія сцены, немного путая шаблонъ съ традиціей. Г. Ленскій, ставившій «Минина», сумѣлъ удержаться на равновѣснующей двухъ крайностей, и она привела его къ постановкѣ художественной и серьезно-интересной. И когда, въ 4-мъ, кажется, актѣ, предъ зрителемъ открывается нижегородская площадь, залитая пестрою толпою, и съ лобнаго мѣста говоритъ Мининъ этой толпѣ свое нехитрое, но глубоко прочувствованное слово, идущее отъ тайниковъ изболѣвшаго за родную сердца, самъ воспламененный патриотизмомъ и воспламеняющій имъ этотъ сержантскій людъ; когда толпа, всегда косная и равнодушная, вдругъ выбивается изъ колеи, и разливается пожаръ воодушевленія и самопожертвованія,—зрительную залу захватываетъ та же волна. Первые натягиваются, и—не считайте за наивность!—что-то хорошее, бодрѣе просыпается въ душѣ, уныло дремлющей среди сѣренькихъ будней современной безтолковщины и безразличія во всему, что выходитъ за предѣлы шкурныхъ заботъ. И это настроеніе поддерживается до конца акта, достигая наибольшаго напряженія въ финалѣ, когда толпа подымается на руки, высоко надъ моремъ головъ, юродиваго, и онъ, весь въ лихорадкѣ, съ безумными, пылающими глазами, тренещущимъ голосомъ говоритъ объ открывающемся ему видѣніяхъ и кончаетъ экстазнымъ выкрикомъ: «Москва!... Москва, какъ ни какъ, любишь Москву». Этотъ мѣстный патриотизмъ въ ней сильнѣе всякаго другого, и выкрикъ юродиваго—песня, зажигающая къ зрительной залѣ цѣлый пожаръ восторговъ.

Вся хроника—изъ множества совсѣмъ малепькихъ ролей, безъ интереса самостоятельнаго, но важныхъ въ качествѣ деталей одной общей картины. Играютъ ихъ все актеры молодые,—наша театральная молодежь, богатая больше количествомъ да благими порывами, чѣмъ талантами. По режиссеръ сумѣлъ обработать этотъ подагивый материалъ, и всѣ ролики выходятъ очень характерными, и ансамбль получается полный.

Единственная «роль»—у г. Падарина. Это—еще молодой артистъ, за послѣдніе два-три года шагнувшій далеко впередъ, и теперь съ нимъ считаются не только въ «моло-

Видъ Тифлисскаго народнаго театра.

дой", но и въ основной труппѣ Малаго театра. Въ немъ—несомнѣнно надежда этого театра. Онъ—актеръ большого сценическаго ума и разнообразія, способный на яркія характеристики. Темпераментъ сильный въ немъ, правда, гнѣтъ, и это ясно сказывалось въ исполненіи Минниа. Въ его рѣчахъ къ народу, въ его разсказѣ въ свѣтлицѣ у Мары Борисовны не хватало увлекательности, той великой силы, что, какъ волна, подхлестываетъ слушатели и несетъ его, куда хочетъ, отнимая его волю и замѣняя волей говорящаго. Не хватало у г. Падарина и мягкости, а Островскій хотѣлъ Минниа, пожалуй, и въ разрѣзъ съ правдой исторіи, не только сильнымъ духомъ и волею, но

За кулисами балета. Антрактъ.

лиричнаго, способнаго подъ звуки бурлацкой пѣсни ма-тушки-Волги доходить до сангвинетальности и слезъ. И оттого сцены указанныхъ двухъ категорій не давали полного удовлетворенія. Но въ общемъ—образъ яркій, цѣльный, могучій. И, конечно, „Минниа“ зачтется артисту въ большой плюсъ и еще двинетъ впередъ его быстро складывающуюся артистическую репутацию и карьеру.

Другая новинка, впрочемъ—лишь для насъ, москвичей,—гаунтмановскій „Геншель“. На этомъ нѣмецкомъ „Извозчикъ“ собираются выѣхать все наши драматическіе театры, хотя, думается, онъ не вывезетъ ни одного и нигдѣ не будетъ боевою пьесой. Первымъ эксплуатировалъ его Коршъ, давшій „Геншеля“, въ переводѣ В. М. Саблина, во второй по открытіи спектакль. Много похлопоталъ надъ пьесой режиссеръ, много похлопотали надъ ролями актеры, много похлопотала надъ рекламою газетная братія,—по успѣхъ былъ самый скромный. Въ театрѣ было скучно, особенно въ началѣ и концѣ, и только конецъ акта въ кабачкѣ, бурная вспышка Геншеля и сцена его съ Ганной, произвели впечатлѣніе. Вы знаете пьесу; оцѣнивалъ ее и нашъ журналъ. Не станемъ поэтою разбирать ея небольшихъ достоинствъ, а большіхъ, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ не нѣмецкой публики, недостатковъ, ограничившись констатированіемъ впечатлѣній публики. Мы не особенно высо-

ко цѣнимъ судъ толпы, хотя бы и театральной, и очень мало склонны устѣхомъ у нея мѣрять достоинства художественнаго произведенія. Сколько разъ пишущему эти строки приходилось за свою долгую рецензентскую работу отдавать все свои симпатіи и похвалы пьесамъ и исполненію, которыя у г-жи публики вызывали недоумѣніе, недожество, а то и свистъ, и еще чаще—со спокойною совѣстью доказывать художественное убожество и ничтожество того, что на великіе лады славилъ шедевромъ и отбивали въ честь сего шедевра по недоразумѣнію и недомыслию ладоши!.. Но на этотъ разъ судъ людской оказался судомъ правымъ!..

Постановка у Корша чистенькая, старательная, съ покушеніемъ на крайній натурализмъ, который выражается въ томъ, что Ганна моетъ рваное тряпье въ горячей водѣ, отъ которой паръ валитъ, и настоящимъ въсовымъ мыломъ и т. п. Но, несмотря на это мыло, на старательно выжидаемыя трюки и бѣгущіе съ нихъ ручьи мыльной воды—постановка все-таки только заурядная, хотя крику объ ней до спектакля было столько, что все ждали какой-то режиссерской Америки. Ахъ, господа, все эти Америки давно открыты, все это, какъ говорятъ нѣмцы, ein lieber wundener Standpunkt, и не стоитъ Колумбамъ mise en scѣны тратить на него энергію и силы. Самое желаніе *удивлять* постановкою,—не великая ли въ немъ фальшь и непониманіе истинныхъ границъ *mise en scѣны*? Не переищдается ли такимъ образомъ центръ тяжести театральной искусства, отъ какового перемѣщенія это искусство не выпуститъ, а только проиграетъ въ устойчивости? Впрочемъ, это только между прочимъ. Не станемъ сейчасъ касаться этого недоразумѣнія, которое въ послѣднее время все чаще даетъ себя знать.

Первые дни сезона припесели еще нѣсколько дебютовъ. Но объ нихъ—до другого раза, когда дебютанты покажутъ себя еще въ другихъ роляхъ и помогутъ въ рѣше и разносгоронице ихъ оцѣнить.

Старикъ.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ Передовой.

(Изъ записной книжки).

(Окончаніе *).

Съ утра Иванъ Ивановичъ хлопоталъ достать лучшую въ городѣ пару лошадей для выѣзда Драконова. Хотя ему сразу сказали, что таковой имѣется только у лихача Кучеренко, тѣмъ не менѣе онъ повторилъ одинъ и тѣ же разпросы всюду, начиналъ съ театральной парикмахерской, приводившей его помятую физиономию въ порядокъ, и кончалъ рестораномъ, гдѣ онъ приводилъ въ порядокъ самого себя... Главномъ, требовалось довести до свѣдѣній гостинишодворцевъ, что въ городѣ прѣзжаетъ труппа съ знаменитымъ гастролеромъ во главѣ, которому необходимы лучшія лошади, да и все лучшее, не обыкновенное, такъ какъ и самъ знаменитый гость есть необыкновенное явленіе... Кстати, Передовой провѣрилъ, хорошо-ли расслесены и разнесены афиши, и читалъ-ли интервью въ „Воѣ“. Вечеромъ, за часъ до прихода товарно-пассажирскаго поѣзда, Иванъ Ивановичъ былъ уже на вокзалѣ, въ цилиндрѣ, съ начкою газетъ, афишъ и программъ, первно суетился, подходилъ по развѣшности то къ буфету, то къ окну телеграфной конторы, то къ подъѣзду, вышани кучеру какъ себя вести, когда прѣдетъ баринъ... За десять минутъ до прихода поѣзда явился на вокзалъ и Гвоздикъ, тоже какъ будто лихорадочно настроенный...

Наконецъ, поѣздъ подошелъ, и изъ вагоновъ стали высканивать бритыя физиономіи въ разнокалиберныхъ цилиндрахъ. Иванъ Ивановичъ вскопчилъ въ одинъ изъ вагоновъ и вскорѣ оттуда появился съ ручными самовояжами, сопровождающа К. К. Драконова, поглядывающаго не безъ торжественности на окружающихъ. Послѣдніе, въ свою очередь, съ любознательствомъ разсматривали знаменитыхъ гостей въ одинаковыхъ головныхъ уборахъ, обращавшихъ общее вниманіе развязностью, костюмами и громкимъ говоромъ.

Все члены труппы бросились къ Ивану Ивановичу съ вопросами. Одинъ лишь Драконовъ хранилъ торжественный видъ и процѣдилъ:

— Сколько въ кассѣ?

— Сейчасъ, сейчасъ, господа, позвольте волновался Передовой.—Иванъ! Подавай!

* См. №№ 34 и 35.

Иванъ лихо подкатилъ, обращая общее вниманіе совершенно неспущеннымъ гикаемъ, Драконовъ лихо вскочилъ въ экипажъ, поддерживаемый Иваномъ Ивановичемъ, который въ свою очередь также лихо скомаандовалъ:

— Пошелъ!

Эффектъ вышелъ чрезвычайный. Затѣмъ Иванъ Ивановичъ вернулся къ остальнымъ членамъ труппы, половина которой уже стояла около буфета, и дружески чокалась съ Гвоздикомъ.

— Простите, господа, мнѣ пужно распорядиться на счетъ багажа, а вы поѣзжайте въ гостиницу „Вся Европа“... Вотъ вамъ списокъ, кому какой номеръ оставить... Съ Богомъ! И выпивъ въ суматохѣ двѣ рюмки водки, Иванъ Ивановичъ побѣжалъ въ багажную, гдѣ уже красовались огромные сундуки, съ огромными аншлагами: „Гастроли извѣстнаго московскаго юбиляра К. К. Драконова“; при багажѣ находились два субъекта, небритые и не въ цилиндрахъ, съ которыми Ивану Ивановичу пришлось вступить въ переговоры, такъ какъ квитанція багажа находилась у нихъ...

— Можно везти, обратился къ одному изъ нихъ Иванъ Ивановичъ, тихо отводя его въ сторону.

— Нѣтъ, не можно, довольно раздражительно отвѣтилъ тотъ—пора и честь знать. Сказано—сдѣлано. Что за пость водить! Будетъ! Пока 500 не внесете по условію, здѣсь на вокзалѣ—квитанціи не дадимъ и багажа не получите...

— Тсс! Тише, пугливо озираясь, прошепталъ Иванъ Ивановичъ—публика... Погубите все. Ни себѣ, ни другимъ. Будьте благоразумнѣе. Какой смыслъ? Я сейчасъ привезу деньги, подождите меня.

Иванъ Ивановичъ помчался къ хозяину гостиницы.

— Сколько въ кассѣ на завтра?

— Тридцать.

— Чего?

— Рублей, рублей...

— Какъ тридцать, когда вы сами говорили, что великолѣпно идутъ билеты?

— Да по нашему, это очень хорошо. Заранѣе мало берутъ, не вѣрятъ, больше вечероной продажа. А что?

— Можно говорить съ вами откровенно?...

— Видно, багажа не отдаютъ безъ денегъ.

— А вы почему знаете? удивленно вскрикнулъ Передовой.

— Ну, вотъ еще, не въ первый разъ. За сколько заложепъ?

— Да точно не извѣстно за сколько, а сейчасъ требуется 500.

— Чего? вытаращивъ глаза, спросилъ Семень Семеновичъ.

— Рублей, къ сожалѣнію, рублей.

— Этого ни въ какомъ случаѣ нельзя. Двѣсти рублей, такъ и быть, ссужу и по передаточной, т. е. багажъ сейчасъ же перевезти въ театръ и до полнаго расчета, онъ будетъ находиться въ гардеробной.

— Этого никакъ нельзя, тамъ половина багажа принадлежитъ артистамъ. Въ чемъ же они будутъ ходить? Да наконецъ они даже и не посвящены въ наши комбинаціи. А другая половина—костюмы, взятые на прокатъ, подъ сохранную росписку, при костюмахъ портной отъ Звягина. Ему тоже не должно быть извѣстно положеніе вещей. Да чего вы бонетесь? Мы уже нѣсколько разъ совершали эту операцію и все проходило благополучно. Повѣрьте, сборы будутъ блестящіе. Нашъ перенгуаръ и знаменитый Драконовъ гарантируютъ успѣхъ.

— Больше не могу, по расчету не выходитъ. Сочтите-ка еще помера, объѣды, буфетъ...

— Все оплатимъ, не сомнѣвайтесь...

— Не могу.

— Скандалъ, скандалъ, повторялъ Иванъ Ивановичъ, быстро направляясь въ номеръ Драконова.—Что дѣлать, Каллистратъ Климентьевичъ? Скандалъ!

— Въ чемъ дѣло?

— Не везутъ багажа безъ 500 р.

— Выдать изъ кассы.

— Не хватаетъ...

— Призвать у буфетчика.

— Не дастъ.

— Это чортъ знаетъ что! Что же вы здѣсь дѣлали, что до сихъ поръ не позаботились о главномъ? Вѣдь вы знали, что мы сидимъ тамъ на мели, что безъ денегъ нельзя начать спектаклей и что дальше морочить нельзя. Изворачивайтесь теперь, какъ знаете, я умываю руки? И Драконовъ дѣйствительно началъ умывать руки и приводить въ порядокъ свой туалетъ.

Иванъ Ивановичъ выѣжалъ на улицу и сталъ бессмысленно смотрѣть на всѣ четыре стороны.

Между тѣмъ артисты и въ особенности артистки волновались, посылали розыскивать Ивана Ивановича, чтобы узнать, почему такъ долго не везутъ багажа.

Иванъ Ивановичъ опять побѣжалъ на вокзалъ, опять

сталъ энергично доказывать кредитору всю несостоятельность его настоятельнаго требованія, представлять резоны, просилъ, умолялъ, чуть не плакалъ, — но кредиторъ оставался неумолимымъ.

Тогда Иванъ Ивановичъ рѣшилъ обратиться къ Семену Семеновичу и Драконову съ предложеніемъ заявить полиціймейстеру о самоуправствѣ и отобрать багажъ съ помощью полиціи. Драконовъ воспротивился этому плану, боясь преждевременной огласки, и предпочелъ рассказать откровенно о своемъ безвыходномъ положеніи примадоннѣ и просилъ спасти себя и всѣхъ отъ позорнаго скандала, съ казовой дѣлью и направился съ Иваномъ Ивановичемъ къ ней.

— Голубушка, сердце наше, спасите отъ неминуемаго срама и позора, заключилъ свою исповѣдь Драконовъ.

— Да вѣдь вы знаете, что со мною денегъ нѣтъ, я сама разсчитывала на васъ...

— Но у васъ есть прекрасныя серьги и браслетъ, напомнилъ ей Иванъ Ивановичъ.

— Ну, нѣтъ, ихъ я вамъ не отдамъ! Этого еще не доставало, со слезами возмущенія вскрикнула примадонна—остатки безъ гропа денегъ и безъ вещей... Покорнѣйше благодарю! Вотъ не ожидала! Правду мнѣ говорили... Не послужалась умныхъ людей. Ни багажа, ни денегъ, ни мѣста, да еще послѣднія серьги хотѣтъ спрятать...

И примадонна принялась истерически всхлипать.

Еще разъ безуспѣшно попробовавъ убѣдить Иванъ Ивановичъ Семена Семеновича, ѣздилъ къ агенту драматическихъ писателей, обращался къ кассиру, еще разъ ѣздилъ на вокзалъ, но тамъ уже было темно и никого не было... Онъ бросился въ садъ „Ай-лю-ли“, возлагая всѣ упованія на судьбу, которая не разъ его выручала.

Было уже довольно поздно. Завсегдашнимъ сидѣли на своихъ мѣстахъ за столиками, уставленными бутылками и обѣдками. Съ открытой сцены неслись слышны взвизгиванія шансонетокъ, въ саду военный оркестръ гремѣлъ прощальный маршъ, который Ивану Ивановичу казался похороннымъ.

— А, Иванъ Ивановичъ, послышались радостные голоса,—сюда, товарищъ, къ намъ, къ намъ! И Иванъ Ивановичъ принялся поочередно чокается и пить—пить до изнеможенія: до самозабвенія... Когда ему кто-то сказалъ, „еще стаканчикъ!“—онъ воскликнулъ съ азартомъ: „вагонъ, давай вагонъ!.. Вагонъ выпью!“

И онъ пошелъ безъ кофца.

Исторія съ заложенымъ чужимъ багажемъ, столько разъ удачно практиковавшаяся, на этотъ разъ получила среди артистовъ огласку, и въ гостиницѣ по этому поводу былъ форменный скандалъ. Всѣ переходили изъ номера въ номеръ и, наконецъ, собрались у примадонны, чтобы рѣшить вопросъ, что предпринять. Наконецъ, единогласно постановили утромъ обратиться депутацией къ полиціймейстеру и просить его содѣйствія.

Драконовъ, взбѣшенный, забывъ свое величіе, отправился на поиски за Передовымъ, чтобы прочесть его по своему, но найдя его въ „Ай-лю-ли“ въ веселой компаніи, которой Иванъ Ивановичъ посѣпилъ представить Драконова, онъ и самъ, не замѣтно для себя, вдыхая пьяный ароматъ лестныхъ эпитетовъ и поздравленій, вошелъ въ общую колею и скоро, очень скоро забылъ, гдѣ онъ и затѣмъ онъ здѣсь. Пьянство шло всю ночь на пролетъ...

Утромъ пока Драконовъ мертвецки спалъ въ своемъ номерѣ, а Иванъ Ивановичъ—у акцизнаго чиновника, получившаго его восторженной любовью,—нѣсколько человекъ изъ труппы отправились къ полиціймейстеру и заявили ему о случившемся съ ними несчастіи, умоляя спасти ихъ и вывести изъ отчаяннаго положенія.

Полиціймейстеръ, тронутый дамскими слезами, доложилъ губернатору, по распоряженію котораго багажъ у кредитора отобранъ, принудивъ его уголовнымъ преслѣдованіемъ за ростовщичество и присвоеніе чужой собственности, и предоставивъ ему по выданной роспискѣ взыскивать своимъ порядкомъ...

Когда очнулся Драконовъ и явился злосчастный Иванъ Ивановичъ, багажъ уже привезли въ гостиницу, а костюмы въ театръ... Но за то Ивану Ивановичу пришлось наслушаться отъ труппы вещей, неудобныхъ для упоминанія въ печати. Онъ въ отвѣтъ только твердилъ:

— Неблагодарные, неблагодарные!

Спектакль, не смотря на печальный сборъ, все-таки состоялся, только вмѣсто обѣщанныхъ на афишѣ 100 человекъ, участвовало 10 статистовъ, и шахъ не выѣжалъ на „живой лошади“, какъ обѣщали, а вышелъ величаво и широко, въ томъ предположеніи, что онъ сошелъ съ коня за кулисами, гдѣ для большей иллюзіи Иванъ Ивановичъ остроумно останавливалъ воображаемаго коня звуками: „тпру-у!“

И реально, и дешево.

Послѣ спектакля Ивану Ивановичу вручили деньги на билетъ и новыя инструкціи для слѣдующаго города, куда

по маршруту должна была перекочевать труппа. Провожали его завсегдатан съ вишневыми возлияніями, объятіями, поцѣлуями, пожелачіями, выражая неподдѣльную благодарность за доставленное удовольствіе и „обновленіе“...

Гвоздикъ хотѣлъ даже проводить его до первой станціи — До свиданія! До скорого! Пиши! Идемъ! Ур-р-р-ра! грянули хоромъ провожатые, и поѣздъ горделиво отомелъ, увозя съ собою жизнерадостнаго человека, полнаго вѣры въ свое могущество и безконечной надежды на загадочное будущее..

Знаменитыя гастроли, между тѣмъ, продолжались, благодаря находчивости Семена Семеновича, заинтересованнаго въ сборахъ. Второй спектакль былъ поставленъ бенефисомъ Семена Семеновича, у котораго полъ-города знакомыхъ, по разнымъ обстоятельствамъ обязанныхъ идти въ театръ; третій спектакль шелъ бенефисомъ касира, у котораго сборъ тоже обезпеченъ, ибо онъ за билеты беретъ не только деньгами, но и товаромъ: мукой, масломъ и яйцами. Наконецъ, четвертый спектакль — въ пользу голодающихъ, къ сожалѣнію, былъ отказанъ за отсутствіемъ публики...

Тѣмъ не менѣе, при этой комбинаціи, Драконовъ съ труппою прожилъ недѣлю и имѣлъ возможность выѣхать до слѣдующаго ближайшаго города, откуда Иванъ Ивановичъ уже успѣлъ прислать обычную телеграмму: „Все устроилъ. Публика ждетъ нетерпѣливѣе. Дѣла предостоятъ блестящія. Переведите сколько нибудь. Необходимо. Переводовой“.

Обычный отвѣтъ Драконова читателямъ уже явѣственъ.
В. Д.

Артистическая колонія.

(Окончаніе *).

— Но меня удивляетъ, какъ вы съ вашимъ безспорнымъ талантомъ не могли до сихъ поръ выбиться въ первые ряды?

— Ахъ, вы напрасно думаете, что стоитъ только выйти, сыграть, и дѣло кончено... Надо, чтобы васъ захотѣли замѣтить... Чтобы кто-нибудь имѣлъ мужество сказать вслухъ: „вотъ талантъ!“ Для успѣха на сценѣ надо, кромѣ таланта, чтобы женщина была молода и хороша собой, достаточно безстыдна, имѣла вліятельнаго покровителя, ну, мало ли тамъ еще что, а у меня, кромѣ молодости, да и то сомнительной, ничего не было... Вотъ тутъ-то мы и надумали учинить социальную революцію!

— Это вы про колонію, вѣроятно, о которой мнѣ говорилъ г. Скребковъ?

— Да, про нее. Вотъ видите ли, когда мы убѣдились, что намъ безъ накопленія нѣкотораго капитала, или, какъ говоритъ Яковъ Ивановичъ, „свободныхъ излишковъ труда для приобрѣтенія орудій производства“, не выбиться изъ нищеты и зависимости, тогда, мы рѣшили, подобравъ подходящихъ сотрудниковъ, отправиться въ области, не захваченныя еще „капиталистической эволюціей“. И вотъ мы здѣсь, въ глухомъ уголкѣ Вятской губерніи, закладываемъ фундаментъ своего будущаго благополучія, занимаемъ кустарнымъ промысломъ...

— И не безъ успѣха?

— Какъ вамъ сказать? Пожалуй...

— Какъ же у васъ это дѣло организовано, расскажите, если не секретъ...

— Какой секретъ, помилуйте!... У насъ не труппа, а „товарищество на вѣрѣ“; причемъ представляя экономически одну изъ формъ „добровольнаго соглашенія, предпринимаго въ интересъ участниковъ“, мы являемся не только артистами-исполнителями, но и администраторами. Ранговъ и раз-

личія между членами не положено... Каждый исполняетъ тѣ обязанности, которыя ему лучше извѣстны. Яковъ Ивановичъ режиссируетъ, обучаетъ декламации, объясняетъ особенности ролей и пьесъ, составляетъ проекты дешевыхъ постановокъ „съ сохраненіемъ иллюзій“, списокъ необходимаго реквизита. Я играю первыя роли и усердно разучиваю подъ его руководствомъ тѣ, которыми буду играть въ будущемъ; учу пѣнію, музыку, рисую, крою и шью вмѣстѣ съ Колосовой костюмы, и все, что придется... Скребковъ ведетъ „бухгалтерію“, переписываетъ роли и цѣлыя пьесы для пополненія бібліотеки. Наконецъ, у насъ есть свой балетмейстеръ, учащій „танцамъ и благородству манеръ“, свой декораторъ, бутафоръ, свои плотники... И все это намъ ничего не стоитъ, потому что все это наши товарищи, „участники въ дѣлѣ“, какъ говоритъ Яковъ Ивановичъ.

— Вы не иронизируете!

— У насъ семь человѣкъ: четверо мужчинъ и три женщины. Дарованія наши разнообразны потому, что, какъ говорятъ, пужда—мать изобрѣтательности, а мы всѣ прошли черезъ ея школу. Но это еще не все, это только прямыя обязанности, а у насъ есть еще и отхожіе промыслы?

— Это еще что такое?

— А вотъ когда прѣзжаешь въ глушь, въ которой ничего нѣтъ, ну и стараешься извлечь пользу и изъ этого. Искусствомъ здѣсь много не возьмешь, народъ трудовой, рабочій, искусство для него роскошь... Вотъ нашъ милѣйшій Яковъ Ивановичъ, слѣдуя правиламъ той же политической экономіи, что „предметы первой необходимости есть продуктъ наиболѣе обезпечивающій правильнѣйшій балансъ предпріятія“, рѣшилъ отпускать наши таланты въ розницу, для повседневнаго обихода... Я, напримѣръ, даю уроки музыки, французскаго языка, Колосова учитъ рукодѣлю, Скребковъ—чистописанію, самъ Яковъ Ивановичъ—русскому языку и словесности, художникъ—рисованію и пореплетаетъ книги, драматическая старуха отлично стряпаетъ намъ обѣды, ну, словомъ, всѣ мы работаемъ за двоихъ, загребаемъ деньги лопатой и живемъ себѣ припрѣвоча... Поражены, признайтесь?

— Поражены! Никакъ не ожидалъ встрѣтить что либо подобное въ русской дѣйствительности. И, воли ваша, сомнѣваюсь, чтобы все пошло такъ гладко, какъ вы сейчасъ описали. Да вотъ, хоть бы эпизодъ въ сегодняшнемъ спектаклѣ?

— Да, да, это—ужасно! но это не нашъ, это любитель изъ мѣстныхъ обывателей и учениковъ нашего пансіона. Яковъ Ивановичъ находитъ, что, для оживленія въ обществѣ интереса къ искусству, полезно привлечь его представителей къ непосредственному участію. Ахъ, я охотно бы пожертвовала этимъ оживленіемъ, чтобы имѣть право не пускать гг. любителей даже на порогъ... Это единственный пунктъ, на которомъ мы рѣзко расходимся!

— Играютъ они, конечно, бесплатно?

— Ну, разумѣется! Мало того, они бесплатно же и съ большой охотой отдають въ наше распоряженіе свой трудъ и ремесленныя познанія. Это очень милые, сговорчивые и чрезвычайно полезные люди; но, какъ исполнители, они ужасны. У меня дѣлается нервное разстройство, когда мнѣ приходится вести съ ними сцены, или помогать Якову Ивановичу на репетиціяхъ... Нѣтъ, нѣтъ, искусство въ его современномъ направленіи совершенно не годится для народа, что бы тамъ ни говорили...

— Что вы называете современнымъ направленіемъ?

— Ту необычайную склонность современныхъ драматурговъ къ психологіи, вѣрнѣе къ психопатологіи и къ психологіи адюльтера въ частности... Для на-

*) См. №№ 33, 34 и 35.

рода это не годится... Народъ прямолинеенъ, онъ ищетъ поступковъ, дѣйствій, опредѣленной постановки и ясной мотивировки сценическихъ положеній и выводовъ. Даже, если угодно, выводовъ ему и не надо, онъ самъ совершенно вѣрно и логически неоспоримо сдѣлаетъ заключеніе... Народъ цѣнитъ занимательность содержанія зрѣлища, но выше ставитъ его „умствнность“, т. е. содержательность и „глубину“, какъ матеріалъ для размышленія пытливому, хотя и не развитому, уму...

— Значитъ вы тоже раздѣляете мнѣніе, что репертуаръ народныхъ театровъ долженъ состояться изъ классическихъ произведеній, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, изъ пьесъ Шекспира, Мольера, Шиллера на ряду съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Островскимъ?

— Вотъ видите ли, надо, прежде всего, условиться, что такое *народный* театр? Вѣдь у насъ говорятъ народный, т. е. какъ писали при Петрѣ „для смотрящихъ всякихъ чиновъ людей Россійскаго народа и иноземцевъ“, а подразумеваютъ *простонародный*. Получается забавное и грустное противорѣчіе: ту часть общества, для которой театръ есть уже вполне сознанныя потребность, умышленно игнорируютъ при обсужденіи будущности русскаго театра, стараясь приорировать его къ понятіямъ той части населенія, которая не выбилась еще изъ сферы интересовъ, исключительно матеріальныхъ, неизбѣжныхъ при низкой степени благосостоянія... Народъ, который гонять съ троттуара, не пускаютъ въ общественные сады, какъ не пускали въ XVIII вѣкѣ, когда ему официально было присвоено наименованіе „людей подлага сословія“, и вдругъ очутился желаннымъ гостемъ въ театрѣ, куда его манятъ чуть не со слезами отчаянія...

— Такъ какъ же все-таки на счетъ Шекспира? Одобряютъ или сомнѣваются?

— Одобряютъ, но опять таки, что? „Короля Лира“, „Макбета“, „Отелло“, словомъ, все то, что полно дѣйствія, энергіи, ясности... А въ N—скѣ мы ставили „Гамлета“, такъ одинъ, весьма почтенный, человекъ, нашелъ даже, что это пьеса безнравственная, такъ какъ Гамлетъ, щадящій молящагося Клавдія, лишаетъ-де его вѣчнаго спасенія. И никакіе доводы не могли поколебать его убѣжденія въ безнравственности „датскаго принца“.

— Знаете, когда мнѣ приходится слышать о Шекспирѣ, потерявшемъ въ мнѣніи отечественнаго зрителя, я невольно вспоминаю анекдотъ, рассказанный покойнымъ Лѣсковымъ въ „Импровизаторахъ“. Дѣло было въ Кіевѣ. Извѣстный въ 30-хъ годахъ актеръ Рекановскій, игралъ въ какой-то пьесѣ, долженъ былъ хватать свою, плачущую отъ горя, жену за руку, бросать ее на полъ, восклицая: „Мовчи, бо скорбь велика!“ послѣ чего слѣдовала большая пауза, во время которой, по авторскому расчету, потрясенный театръ переживалъ весь ужасъ драматическаго момента. И дѣйствительно, на одномъ изъ представленій, какъ только настала эта знаменитая пауза и въ зрительномъ залѣ наступила обычная тишина, кто-то изъ наиболѣе впечатлительныхъ зрителей не выдержалъ и закричалъ рыдающимъ голосомъ: „Эге! це не вашъ Шекспиръ!“ Плохо, я думаю, пришлось бы Шекспиру, если-бы онъ зависѣлъ отъ благосклонности своихъ русскихъ цѣнителей!

— Да и почему непременно Шекспиръ, если дѣло идетъ о народѣ? Развѣ нѣтъ у насъ хорошихъ, русскихъ пьесъ, которыя совершенно неизвѣстны огромному большинству публики?

— Наша главная задача теперь сводится къ тому, чтобы обезпечить себѣ свободныя средства, имущество и подготовить хорошенько репертуаръ... Затѣмъ,

когда все будетъ готово, мы намѣчаемъ нѣсколько пунктовъ, гдѣ нѣтъ постоянныхъ театровъ, и даемъ рядъ спектаклей по опредѣленной программѣ, объявляя ихъ заранѣе и довольствуясь минимальной платой... Отъ успѣха или неуспѣха будетъ зависеть дальнѣйшее... Но мы вѣримъ въ успѣхъ!

— Однако мы заболтались. Смотрите, кажется, разсвѣтаетъ?

Въ окна, не смотря на запертыя ставни, сквозь ихъ щели, пробивались слабыя блѣдные лучи, таившіе въ красноватомъ тяжеломъ свѣтѣ лампы.

— Простите, Надежда Львовна, что, увлекшись вашей интересной бесѣдой, я совсѣмъ забылъ о томъ, что вы устали и вамъ давно пора спать... Но, право, я услышалъ сегодня столько любопытнаго и неожиданнаго, что по совѣсти винить себя не могу: кто себѣ врагъ?

— Спасибо и вамъ, что зашли.. Я теперь надолго отговорила! сказала она, смѣясь и крѣпко, по мужски, пожимая мнѣ на прощанье руку.

— Надѣюсь еще съ вами встрѣтятся или по крайней мѣрѣ о васъ услышать... Именно о васъ... Было бы жестоко и несправедливо, если-бъ ваше рѣдкое дарованіе прошло незамѣтно...

— Спасибо. Только гора съ горой, говорятъ, не сходятся; увидимся, Богъ дастъ, гдѣ-нибудь.

— Кланяйтесь Якову Ивановичу Скребкову... всего лучшаго... крикнулъ я, уже спускаясь съ крыльца.

Небо на востокѣ начинало алѣть. Легкія перистыя облака были окрашены въ нѣжные оттѣнки розоваго цвѣта. Все спало сладкимъ предразсвѣтнымъ сномъ и только черная, прокопченная насквозь пасть завода, тяжело дыша, извергала въ ясную, прозрачную лазурь утренняго неба клубы чернаго дыма...

Н. Николаевъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

G. Old Gentleman сообщаетъ въ „Россіи“ подробности о новой оперѣ Джордано „Федора“, написанной на сюжетъ драмы Сарду, передѣланной для русскои сцены подъ названіемъ „Элеоноры“. Героиня—княгиня Федора Ромазова. Имя для русскои книжки нѣсколько необычное, но любовникъ ея, тоже русскій, окрещенъ еще изумительнѣе: его зовутъ—Лорисъ. Въ какихъ святцахъ откопалъ Сарду угодника Лориса,—не понятію.

Вотъ эту-то драматическую стряпню и избралъ для либретто новой оперы композиторъ Урберто Джордано, создавшій себѣ имя оперой „Андрей Шенье“. Опера „Федора“ идетъ теперь на многихъ сценахъ Италіи и пользуется довольно крупнымъ успѣхомъ.

„Сюжетъ Федоры, пишетъ авторъ фельетона,—вратцѣ таковъ. Убить нѣкій Wladimiro Andreevitch, сынъ шефа жандармовъ, генерала Ярыжкина, (ужъ кто втравилъ Сарду въ столь курьезную, но не нелѣпую по примѣненію, фамилію,—Богъ его знаетъ). Полиція предполагаетъ, что Ярыжкина убили нигилисты. Бумъ!!!—страшное тремоло въ оркестрѣ. Въ воздухѣ носится что-то демоническое

I nihilisti!—лепечуть con terrore хоръ и примадонна.

I nihilisti!—уныло рычитъ на нижайшихъ нотахъ басоваго діапазона старый петербургскій знакомый г. Сильвестри, изображающій Греча, чиновника тайной полиціи.

Оперный Гречъ едва не уморилъ меня отъ смѣха. Г. Сильвестри вздумалъ щегольнуть знаніемъ русскаго *couleur locale* и вышелъ на сцену въ точнѣйше и добросовѣстнѣйше скопированной формѣ петербургскаго околоточнаго. До какой степени курьезно феерическое появленіе «фараона», выскакивающего, въ качествѣ *deus ex machina*, среди каналовъ и гондолъ Венеціи, трудно вообразить себѣ, не видавъ. Онъ дѣлалъ трели, филировалъ высокую ноту, участвовалъ въ сложныхъ ансамбляхъ и составлялъ протоколъ съ такою музыкальностью, что вчужѣ душа радовалась, и думалось: ахъ, всегда бы такъ! «Осади назад!»—и трель. «Пожалуйте, синьоръ, въ участки»—и группето. И мило, и благородно, и обычно вателю весело. И эстетика соблюдена, и уставъ благочинія оправданъ.

Обнаружено, что Ярыжкина убилъ Лорисъ Ипановъ, тоже

подозрѣваемый въ нигилизмѣ. Убилъ—и убѣжалъ. Тогда пылая Федора Ромазова, невѣста убитого, клянется на крестѣ своей матери, что отомститъ Лорису: *oi giuro... giurate!*—поетъ она. Околоточный, кучеръ въ мантии схимника, съ бородой по колѣно, швейцаръ съ булавой и двѣ особы въ албанскихъ головныхъ уборахъ и длиннѣйшихъ фатахъ, долженствующія изображать петербургскихъ горничныхъ, съ готовностью отвѣчаютъ:

— *Sil! si! vendetta! terribile vendetta! Noi giuriamo! noi giuriamo!*..

Во второмъ актѣ—дѣйствие въ Парижѣ, на балу у Федоры. Нѣкій *De Sirix*, атташе французскаго посольства въ Петербургѣ, прекрасно изображаемый баритономъ Бути, поетъ, на мотивъ не то алябьевскаго «Соловья», не то «Эхъ, морозъ морозецъ», слѣдующую характеристику «русской женщины».

«Русская женщина—женщина дважды, вдвойнѣ восхитительная и вдвойнѣ противная. Это истинная дочь Евы, полная нѣги и дикихъ порывовъ смѣлости, и трусости; и ангелъ съ крыльями, и чортъ съ когтями; то энтузиастка, то холодная, какъ ледъ, она равно готова и на жертву собою, и на коварную измѣну. Въ ней воплощены весь ся полъ, всѣ крайности натуры человѣческой: любви, возвышенная, какъ небеса, и ненависть, глубокая, какъ бурное море. Ангелъ и змѣя, цыганка и королева, она—то солнце востока, то полярный ледъ. Поэма, шутовство, дурачество, алтарь, вертепъ, вѣчная загадка—вотъ русская женщина, вотъ ея идеалъ!»

Сейчасъ эту «ballata della donna russa» поютъ и свипуцъ на всѣхъ перекресткахъ Венеціи.

Второй актъ «Федоры»—лучшій въ оперѣ, но цѣликомъ выкраденный. Джордано работалъ, точно *un monello* въ толпѣ—совалъ руки направо и налево и тащилъ къ себѣ въ гарманъ все, что попадалось: часы—такъ часы, платокъ,—такъ платокъ. Даже центральная сцена акта—признаніе Лориса Ипанова, что онъ убилъ Ярыжкина,—довольно ловко сдѣланная въ декламационномъ стилѣ, идетъ на фонѣ фортепианныхъ отрывковъ изъ Шопена, играемыхъ на балу Федоры завѣжкимъ польскимъ пѣвцомъ.

Лорисъ убилъ Ярыжкина не нигилизма ради, но мстя за оскорбленіе своей супружеской чести. Когда Федора узнала, что Лорисъ не нигилистъ, но благородецъ, а Ярыжкинъ былъ измѣнникъ, она возненавидѣла покойника и полюбила Лориса. Но до тѣхъ поръ она усилѣла навредить ему жестоко и доносками своими погубила брата и мать Лориса. Когда все это открывается, Федора, проклиная своимъ любовникомъ, принимаетъ ядъ и умираетъ.

Если въ первомъ актѣ публику забавляютъ русскимъ околоточнымъ, то въ третьемъ является увеселяющимъ элементомъ другой предметъ *fin de siècle*—взлосинедъ. О немъ поютъ, на немъ въѣзжаютъ на сцену, и подобно тому, какъ Шубертъ, Вагнеръ, Рубинштейнъ, Бородинъ, Чайковский имитировали въ музыкѣ конскій топотъ—Джордано пытается изобразить въ оркестрѣ летъ велосипеда. Публика на эту звукоподражательную пошлость отвѣтила довольно дружнымъ шиканьемъ.

Одно изъ курьезнѣйшихъ мѣстъ въ «Федорѣ»—когда на балу, въ Парижѣ, получается тревожная телеграмма изъ Петербурга. Чтобы характеризовать приходъ ея изъ Россіи, г. Джордано пустилъ въ оркестрѣ русскую мелодію, но... какую-бы вы думали?

«Ахъ ты, этакій камаринскій мужикъ,
Въ неприличіи по улицѣ бѣжишь!»

Затѣмъ камаринскаго мужика подхватываютъ и поютъ во все горло графы, князья, посланники и прочая знать, пирующая у Федоры... Грозное извѣстіе прерываетъ балъ. Федора поетъ:

Dio protegga lo Siao! (Боже, Царя храни)

И всѣ расходятся. Въ оркестрѣ, подъ сурдинку продолжаетъ бѣжать камаринскій мужикъ».

4-го сентября въ Мюнхенѣ открылся конгрессъ гитаристовъ. Цѣль конгресса—выяснить условія, въ которыхъ поставлена въ наше время гитара, пользовавшаяся ранѣе большою распространенностью. Лучшие гитаристы Германіи и другихъ странъ съѣхались на конгрессъ. По окончаніи предполагается большой концертъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ТИФЛИСЬ. Кончились гастролы г. Дальскаго, уѣхалъ г. Давыдовъ и снова наступило затишье. Артисты, игравшіе въ Нѣмецкомъ саду, съ пріѣздомъ г. Давыдова ликвидировали свои дѣла и расплылись въ разныя стороны. Нѣкоторые, наиболѣе счастливые, поступили въ труппу г. Давыдова; что стало съ остальными—не извѣстно.

Пользуясь этимъ театральнымъ затишьемъ, мнѣ хотѣлось бы поговорить объ одномъ симпатичномъ учрежденіи, свѣдѣнія о которомъ, насколько мнѣ помнится, не проникали въ столичную печать. Я говорю о народномъ театрѣ, который существуетъ у насъ вотъ уже три года и гдѣ спектакли, устраиваемые почти въ каждый праздничный день, привлекаютъ постоянно множество народа. Театрикъ этотъ вмѣщаетъ всего 300 человѣкъ. Находится онъ на одной изъ бойкихъ улицъ окраины (Авчальской), не далеко отъ вокзала, гдѣ ютятся рабочіе, мастеровые и прочій бѣдный людъ, нуждающийся въ здоровомъ и разумномъ развлеченіи.

Собственно говоря, первоначально зданіе это имѣло совершенно другое назначеніе. Построенное въ холерный, 1892 годъ, на частныя средства, оно служило сначала чайной, потомъ бесплатной столовой. Послѣ холеры городъ передалъ столовую комиссіи народныхъ чтеній, которая, расширивъ помѣщеніе, устроила здѣсь постоянную аудиторію, а затѣмъ, построивъ сцену, начала ставить и спектакли для народа.

Спектакли, устраиваемые сначала только на русскомъ языкѣ, сразу завоевали симпатіи мѣстнаго населенія, и благодаря дешевизнѣ (билетъ стоитъ 5 коп.), мѣста берутся съ бою и постоянно приходится отказывать сотнямъ желающихъ понасть на спектакль. Постановкой спектаклей въ аудиторіи завѣдуетъ особая театральная секція, избираемая изъ членовъ комиссіи народныхъ чтеній каждый годъ. Спектакли ставятся по праздникамъ, изрѣдка по воскресеніямъ, такъ какъ въ воскресные дни комиссія устраиваетъ чтенія съ 5 часовъ вечера и спектакли, которые начинаются въ 7 часовъ, нѣсколько мѣшаютъ чтеніямъ. Труппа любителей не большая, но дружная, и спектакли проходятъ съ должнымъ ансамблемъ. Репертуаръ—по преимуществу пьесы Островскаго, которыя публикѣ никогда не перестаютъ нравиться.

Помимо спектаклей устраиваются иногда литературно-вокально-музыкальные вечера съ участіемъ лучшихъ любителей скихъ силъ. Въ антрактахъ обыкновенно игралъ дѣтскій духовой оркестръ. Въ предстоящемъ сезонѣ открытіе народныхъ спектаклей предположено 30 августа. Пойдетъ «Коржъ Данденъ» Мольера. Кромѣ спектаклей на русскомъ языкѣ въ прошломъ сезонѣ было устроено нѣсколько спектаклей на грузинскомъ и одинъ на армянскомъ языкахъ.

Не казистъ нѣтъ народный театрикъ, но спасибо, что хоть такой имѣется. Наше общество очень индифферентно относится къ дѣлу народнаго развлеченія. Въ то время, какъ въ другихъ городахъ Россіи возникаютъ на средства думъ и частныхъ лицъ роскошные народные дома, у насъ въ Тифлисѣ городъ ограничивается ежегоднымъ пособіемъ комиссіи народныхъ чтеній въ 500 руб., которыхъ едва хватаетъ на нужды комиссіи. Среди нашей интеллигенціи едва набрался небольшой кружокъ, отдавшійся цѣликомъ дѣлу народнаго театра. Въ прошломъ году началась подписка на постройку народнаго дома, но до сихъ поръ собрано не болѣе 10.000 руб., тогда какъ требуется по крайней мѣрѣ 30.000 руб.

Пенсія.

РОСТОВЪ-на-ДОНУ. Слава Богу, лѣтній сезонъ пришелъ къ концу. Еще кое-гдѣ видны афиши концертовъ дамъ-трубачей, разныя факиры бенъ-Саибы, купно со всѣмъ надобнымъ синемаграфомъ и фокусниками даютъ свои сеансы, но всѣ эти господа не могутъ быть отнесены къ театральному дѣлу. На грустныя размышленія наводитъ окончившійся лѣтній сезонъ. О крахѣ труппы Иванова я вамъ писалъ, о жалкихъ спектакляхъ малороссійской труппы, съ Португаловыми во главѣ, я васъ тоже извѣщалъ. Послѣ краха Иванова, въ Асмоловскій театръ явились коршевы, но особеннаго успѣха не имѣли. Не смотря на присутствіе въ труппѣ гг. Грекова, Свѣтлова, Яковлева, г-жъ Кошевой, Ильнарской, Мироновой, Музиль-Бороздиной и Шаровой, пьесы, сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ у Синельникова, проходили съ меньшимъ художественнымъ ансамблемъ. На сѣнну коршевцамъ явилась г-жа Дагмарова со своей опереткой. Уже 2 года г-жа Дагмарова развозитъ по городамъ оперетку. Сама по себѣ труппа, за рѣдкими исключениями, плоха, и вся надежда на гастролеровъ. «Польская Жюдицъ», г-жа Чесновская, въ роли страстной и миловидной Периколлы и шикарной Елены, мало прельщали нашу публику. На сѣнну Чесновской пріѣхала г-жа Троцкая, утратившая въ значительной степени голосъ, но сохранившая бойкость и хлесткость исполненія. Послѣ оперетки, въ театрѣ Машонкина водворились малороссы съ Суходольскимъ во главѣ, дѣлавшіе въ теченіи мѣсяца, не смотря на жару, прекрасные сборы, хотя въ труппѣ этой, кромѣ г-жи Диковой, Суходольскаго и Марченко

не было ни одного способного актера. Пьесы шли гладко, хоры спѣлись, прекрасный гопакъ, реализмъ въ постановкѣ (стоги настоящаго сѣна, собаки, утки, куры—все это летѣть, гогочеть, а часть публики видѣть въ этомъ искусствѣ). Я пришелъ къ убѣжденію вообще, что наши малороссы поютъ лебединную пѣсню. Размѣнявшись на мелочи въ смыслѣ исполненія и не обновляя репертуара новыми, интересными пьесами, дѣло это, и раньше не имѣвшее подъ собой солидной почвы, должно безповоротно заглохнуть.

Одновременно съ «хохлами» въ Асмоловскомъ театрѣ гастролировала труппа артистовъ Императорскихъ театровъ съ г. Давыдовымъ во главѣ. Намѣненъ былъ цѣлый рядъ спектаклей, но пришлось ограничиться тремя. Кромѣ Фамусова-Давыдова, все остальное шаблонное, заурядное: Чацкий-Аполлонскій, видимо, ни во что не ставящій провинціальную публику и играющій всю пьесу въ сѣро-зеленой модной парѣ, читающій монологъ: «А судьи кто?» развалился въ креслѣ, точно резонеръ новѣйшей мелодрамы. А Софья? А ансамбль, небрежность обстановки, незнаніе ролей?

14-го августа, въ Екатеринодарѣ, въ гор. саду скончался скоропостижно, отъ разрыва сердца Владимір Осиповичъ Цвинскій, на 56 году отъ роду. Кавалерійскій офицеръ, выйдя въ отставку, онъ антрепренерствовалъ и не долго гдѣ-то въ Кременчугѣ или Елисаветградѣ, и какъ водится, раззорился. Пристрастившись къ сценѣ, безъ средствъ, онъ занялъ постъ суфлера и суфлировалъ 25 лѣтъ, пока не потерялъ зубы и сталъ шамкать. Последние годы онъ безсмѣнно служилъ у Синельникова въ должности его личного секретаря и библиотекера. Текущимъ лѣтомъ г. Ильковъ пригласилъ его завѣдывать хозяйственной частью въ Екатеринодарѣ, гдѣ онъ и остался до конца лѣта, имѣя на-дняхъ вернуться въ Ростовъ къ Синельникову на свое мѣсто. Цвинскій оставилъ по себѣ память честнаго человѣка и хорошаго товарища. На похоронахъ было много провожающихъ, были вѣнки. Послѣ покойнаго, одинокаго человѣка, осталось (рѣдкое явленіе) 180 руб. Наслѣдникомъ этихъ денегъ является снисканный братъ покойнаго, очень богатый человѣкъ. Деньги хранятся у мирового судьи г. Екатеринодара. Не мѣшало бы Екатеринодарскому агенту Русскаго Театральнаго Общества обратиться къ брату покойнаго (адресъ его я могу дать), съ просьбой, пожертвовать эти деньги въ пользу убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ. Зимній сезонъ начинается у насъ и въ Новочеркасскѣ 19 сентября, въ Таганрогѣ 21-го, Нахичевани 10-го октября.

12-го сентября въ циркѣ Машонкина начинаются представленія цирка Никитина.

Б. Камневъ.

УМАНЬ. 11 іюля закончилось спектакли товарищества артистовъ Императорскихъ московскихъ театровъ подъ управленіемъ артиста Дурова. Результатъ за второй мѣсяцъ былъ еще плачевнѣе. Не поправилъ дѣлъ труппы и благотворительный спектакль, который далъ товариществу весьма незначительную сумму, въ 150 рублей. Во время траура въ Умани не обшлось безъ недоразумѣній. Трауръ былъ наложенъ на три дня, начиная съ 29 іюня, однако, не смотря на это исправникъ почему-то отмѣнилъ спектакль, назначенный на 2-е іюля и прежде имъ разрѣшенный и велѣлъ расклеить по городу сверху афишъ постановленія за своею подписью объ отмѣнѣ спектакля. Огорченная администрація товарищества, возглавлявшая большія надежды на этотъ спектакль («Дама съ камеліями»), послала въ день спектакля 12—1 ч. дня, точнось по раскладкѣ «постановленій исправника», телеграмму губернатору, съ просьбой разрѣшить спектакль. Отвѣтъ послѣдовалъ, конечно, съ разрѣшеніемъ, но только, къ сожалѣнію, ... въ 11 часовъ вечера. Такимъ образомъ volens-nolens пришлось отложить спектакль. Мы слышали, что администрація товарищества намѣрена судебнымъ порядкомъ требовать возмѣщенія убытковъ. Поѣздка въ Воронежъ не состоялась, вслѣдствіе отказа отъ поѣздки нѣкоторыхъ изъ персонажей труппы. Взвѣсивъ уѣхавшей драмы арендаторомъ уфимскаго театра пригласена на нѣсколько спектаклей италіанская труппа Кастеллано.

Я. Г.—дѣ.

Сообщаемъ составы труппъ слѣдующихъ городовъ.

СИБИРСКЪ. Драма: г-жи Е. А. де-Борнъ (героиня), Я. А. Стальская (ingénue dramat.), Т. А. Попова (бытовые роли и водев. съ пѣніемъ), Л. Ф. Казанская (комич. и драматич. старуха), Е. А. Хрущева (ingénue comique), Е. А. Бѣлинская (grande-dame), Ю. В. Славская (2-я ingénue), А. А. Данилова (2-я старуха), Е. К. Кручинина и А. И. Чернова (2 и 3 роли); гг. И. Л. Аркановъ (любовникъ-герой), С. П. Аксеновъ (фатъ), С. С. Расатовъ (резонеръ и характерн. роли), К. Д. Кручининъ (простакъ), А. Б. Половцевъ (комикъ), С. А. Алексинъ (jeune comique и водев. съ пѣніемъ), Ф. К. Даниловъ (резонеръ), Н. И. Разумовъ (2-й любовникъ), С. П. Горюновъ (2-й резонеръ), Г. Г. Назарьевъ (2-й комикъ), М. К. Чернышевъ и Д. Н. Антоновъ (2 и 3 роли); режиссеръ С. С. Расатовъ; помощникъ режиссера Л. Ю. Фуссъ; суфлеръ А. И. Патровъ. Сезонъ начинается 24-го сентября.

ТИФЛИСЪ. Сопрано: Джуліани, Папаянъ, Позняковъ, Янишевская, Никитская, Машинская и Александрова. Меццо-сопрано и контральто: Винбергъ, Петровъ, Кравецъ и Рубо. Те-

нора: Лангобардъ, Борисенко, Зиновьевъ, Гриневъ и Лима-шевскій. Баритоны: Макасофъ, Брыкинъ, Герасименко и Званцевъ. Басы: Горяиновъ, Трубинъ и Корсовъ. Капельмейстера: Пагани и Барбини. Хормейстеръ Коваллони, режиссеръ И. Питоевъ. Новая опера будутъ поставлены: «Садко», «Моцартъ и Сальери» и «Юланта» (Чайковского). Сезонъ начнется 19 сентября с. г.

РОСТОВЪ-на ДОНУ и ТАГАНРОГЪ. Г-жи Велизарій, Петипа, Юрьева, Дарьяль, Тамарина-Блюменталь, Синельникова, Медвѣдева, Позниовская, Дараганъ, Журиня, Зиновьева, Неметти, Рюмина, Чечина, Богуславская, Андрианова, Малиновская, и др. Гг. Шуваловъ, Петипа, Анчаровъ Эльстонъ, Петровскій, Добровольскій, Валимовъ, Чаринъ, Пальминъ, Волоховъ, Тарскій, Булатовъ, Соловьевъ, Улановъ, Лихомскій, Чечинъ, Покровскій, Ленскій, Подаринъ, Собенкій и др. Главный режиссеръ Синельниковъ, режиссеры: Сѣницкій, Мировичъ.

АСТАРАХАНЬ. Въ лѣтнемъ театрѣ «Аркадія», 23-го августа состоялся концертъ Альмы Фостремъ, съ участіемъ пианистки г-жи Штоссъ-Петровой. Талантливая концертанка исполнила арию изъ «Травиаты», и рядъ романсовъ: Чайковского, Кюи, Длусскаго, Делиба, Тости, Арядти и друг. Г-жа Фостремъ имѣла громаднй успѣхъ. У нея красивое, звучное и прекрасно обработанное колоратурное сопрано. Поетъ очень музыкально и съ большимъ чувствомъ. По настоячивому требованію публики, она спѣла множество романсовъ на bis, въ томъ числѣ и знаменитаго «Соловья» — Альбьева (2 раза). Талантливая молодая пианистка г-жа Штоссъ-Петрова также имѣла большой успѣхъ. У нея хорошая техника и мягкое туше. Не смотря на сильно повышенныя цѣны на мѣста, сборъ былъ полный (болѣе 1.000 рублей). По окончаніи концерта, г-жѣ Фостремъ была устроена шумная овація. А. Даданцевъ.

СЫЗРАНЬ. 4-го августа состоялся первый спектакль съ участіемъ И. И. Судьбинина, выступавшаго въ роли Незнамова. Вторымъ спектаклемъ 6-го августа шла «Женитьба Бѣлугина», которую и передалъ прекрасно. Едва ли скоро вновь придется сызранскимъ театраламъ увидѣть такого «Бѣлугина!» Съ его участіемъ предпринимаютъ ставить: «Жизнь», «Трильби», «Кинтъ», «Желѣзная маска», «Власть тьмы» и др.

Товарищество со времени втораго открытія сезона послѣ малороссовъ и оперы — переживаетъ довольно критическія минуты, сборы доходятъ даже до 30 руб., что впрочемъ и вполне понятно, такъ какъ дѣло ведено было неумѣло. Репертуаръ совсѣмъ не отвѣчаетъ вкусу публики. Затѣмъ изъ пьесъ преимущественно ставились тѣ, въ которыхъ для режиссера Разсудова имѣлась выигрышная роль. Центръ тяжести спектакля былъ передвинутъ и конечно, рѣчи не могло быть о хорошемъ ансамблѣ. Обстановка, mis en scène и бутафорія — жалкія. Сплошь да рядомъ запаздывали выходы. Пауза. Артисты, находящіеся на сценѣ, стыдливо и съ недоумѣніемъ переглядываются, суфлеръ — горячится, слышно: «Тсс... выходи... кхи... тсс...» и съ совмѣстными усиліями артистовъ и суфлера наконецъ, является давно желанное и ожидаемое лицо. Не хорошо также то, что безъ всякой нужды затягиваютъ антракты.

Въ корреспонденцію изъ Сызрани, напечатанную въ 28 № «Театръ и Искусство» вкралась ошибка, сказано: «Будкевичъ артистъ» слѣдуетъ же: Будкевичъ артистка.

АРХАНГЕЛЬСКЪ. Антреприза К. А. Вишарскаго. Драма.

ВЛАДИКАВКАЗЪ. Антреприза В. И. Никѣлинь. Драма.

СТАВРОПОЛЬ. Антреприза О. П. Долинской-Лавровской. Драма.

МОГИЛЕВЪ-ГУБЕРНСКІЙ. Антреприза П. Н. Рахманова. Драма.

ВОЛОГДА. Антрепринеръ В. Н. Викторова. Драма.

ЧЕРНИГОВЪ. Антреприза Г. Фебера. Драма.

КОЗЛОВЪ. Антреприза гг. Лаврова и Сокольскаго. Драма.

ТУЛА. Антрепренеръ Е. С. Майоровой. Драма.

Справочный отдѣлъ.

Артистъ П. МАКСИМОВЪ (комикъ-резонеръ и резонеръ), свободенъ на зимній сезонъ, съ 15-го сентября. Зиму 98—99 г. служилъ въ Вяткѣ (антреприза г-жи Прозоровой), 97—98 г. — въ Таганрогѣ (антреприза г-жи Строгоновой). На сценѣ около 20 лѣтъ. Согласенъ служить въ антрепризѣ и товариществѣ; условія по соглашенію. Адресъ до 15-го сентября: Орѣхово-Зуево, по Нижегородской желѣзн. дорогѣ, артисту П. Максиму, народный театръ; послѣ 15-го сентября — Москва, Бюро Русскаго Театральнаго Общества для передачи артисту П. Максиму.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Театръ и садъ П. В. ТУМПАКОВА.

(Фонтанка, у Измайловскаго моста).

Драма и комедія подъ управл. Я. В. Самарина.
БОЛЬШОЙ РАЗНООБРАЗНЫЙ ДИВЕРТИСМЕНТЬ.

Изв. музык. эквилибристъ жонгл. гг. Видаль. Изв. дрес. собакъ М-ше Ида. Изв. русск. пѣвица г-жа Барвинская. Изв. русск. канатоходець Ф. Молодцовъ. Венгерская пѣвица г-жа Маргитъ-Илькай. Купл. г. Войцеховскій. Изв. муз. клоуны гг. Бимъ-Бомъ. Музык. виртуозъ г. Санъ-Дикъ. Цыг. труппа Болноиной. Малор. труппа Соколовой. Квint. Г. Вилингеръ. Квартетъ Сафо. Волыш. рус. хоръ пѣвицъ и пѣвц. Солистки г-жа Евгеньева и исполнит. цыганск. романсовъ г-жа Бычкова. 1-й Русскій Дамскій оркестръ И. М. Паршинъ-Градова.

Дебютъ интернац. музык. труппы гг. Эстерелло
вездѣ грандіозный успѣхъ.

Оркестръ военной музыки Л.-Гв. Измайловскаго полка подъ управленіемъ капельмейстера Г. ШТЕЙНСЪ.

ЛѢТНІЙ ТЕАТРЪ и САДЪ В. А. НЕМЕТТИ.

39. Офицерская, 39.

Дирекція П. В. Тумпакова.

Ежедневныя представленія: оперетка, балетъ и дивертисментъ.

Дивертисментъ съ участ. балетн. труппы подъ упр. Дж. Саранко. при участ. прима-балеринъ *assoluto* Эрино Вараци, Біанка Джелато. 1-го танцора Бенефи, бал. Шеффель, Малютиной и кордебалета. Дуэтнсты Бовіо. Г-жа Ридль.

Главный режиссеръ В. ЧАРОВЪ. Капельмейстеры А. А. ТОНИ и А. К. ПАУЛИ.

Нач. музыки въ саду въ 7 час. Нач. спектакля въ 8 час.

Касса открыта ежедневно отъ 11 час. утра.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ и ПРОДАЮТСЯ

въ театальной библіотекѣ ВОЛКОВА-СЕМЕНОВА

СПб., Троицкая ул., 10.

— НОВЫЯ ПЬЕСЫ —

С. А. Трефилова.

ДЕНЬГИ, драма въ 4-хъ дѣйств. (пьеса и комплектъ ролей 1 р.)
(Исполн. на сценахъ Петербургскихъ театровъ съ большимъ успѣхомъ).

Отзывъ журнала „Театръ и Искусство“ о пьесѣ „Деньги“ (см. № 34).
Одобрительные отзывы другихъ Петербургскихъ журналовъ и газетъ.
(отъ 19-го августа).

Счастье, водевилъ въ 1 дѣйствіи.

Баловни судьбы, водевилъ въ 1 дѣйствіи.

Наши изобрѣтатели, водевилъ въ 1 дѣйствіи.

Изъ когтей нужды, водевилъ въ 1 дѣйствіи.

Подъ властью страстей, вод. въ 1 дѣйствіи.

Всѣ пьесы исполнены на сценахъ С.-Петербургскихъ театровъ
съ успѣхомъ. № 246 (6—4)

Цѣна каждой
пьесы съ компл.
ролей 50 коп.

Все необходимое для гг. артистовъ!

Усовершенствованныя и безвредныя гримировки: румяна, бѣлила, карандаши и тушь для бровей, замазки для париковъ и проч.

Громадный выборъ парфюмерій лучшихъ заграничныхъ фабрикъ

Высылаетъ по первому требованію

Аптекарескій складъ Э. Ф. ВОЛЯНСКАГО

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., № 22. № 234 (1—1)

Косметическіе спермацетовые личные утиральники

КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и приятно освѣжаетъ. Удобное средство въ дорожѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра.

Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, употребляющихъ гримировку, бѣлила, румяна и проч.

Цѣна 60 коп. за пачку, съ пересылкою не менѣе 2 пачекъ 2 руб.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи: А. Энглундъ красными чернилами и марку с.-петербургскіе косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главнѣйскій складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., № 2. (г.)

ПРОДАЮ ОРКЕСТРОВКИ:

„Красное солнышко“, 10 голосовъ
Ц. 10 р.

„Мадамъ Санъ-Жонъ“, 15 голосовъ
съ текстован. партиціей Ц. 30 р.

„Наталка-Полтавка“, 10 голосовъ
Ц. 20 р.

„Орфей въ аду“, 14 голосовъ. Ц. 15 р.
Всѣ сразу 60 р.

Всѣ ноты по голосамъ тщательно переплетены.

Адр.: Ровно, Волынк. губ. Театръ. И. А. Шюльскій.